

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая Наука 1 *2016*

POLITICAL SCIENCE (RU)

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
РАЗДЕЛЕННЫХ
ОБЩЕСТВ**

**Москва
2016**

Журнал «Политическая наука»

Коллектив авторов

**Политическая наука №1 / 2016.
Политическая организация
разделенных обществ**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 32
ББК 66.0

Коллектив авторов

Политическая наука №1 / 2016. Политическая организация разделенных обществ / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Политическая наука»)

Рассматриваются проблемы политической организации многосоставных обществ, причины возникновения и реализации сепессионистских проектов, успешные и неудачные институциональные решения по сохранению целостности государства. Особое внимание уделяется странам бывшего социалистического лагеря. Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ №ФС77–36084.

УДК 32
ББК 66.0

Содержание

Представляем номер	5
Состояние дисциплины: исследования разделенных обществ и постконфликтного урегулирования на современном этапе	9
Как обустроить разделенные общества	9
Этнические войны и постконфликтная демократия	21
Контекст: политический контроль в разделенных обществах	37
Саудовская Аравия: национальное единство без плюрализации	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Политическая наука № 1 / 2016

Политическая организация разделенных обществ

Представляем номер

Исторически нация-государство как форма политической жизни победила своих соперников, потому что смогла соответствовать как внутренней необходимости централизованного авторитета и администрации, так и внешней необходимости быть признанным в качестве легитимного актора, который мог давать и сдерживать долгосрочные обещания. Эти его способности преимущественно обеспечивались путем организации пространства территориальности (контроль над территорией) и пространства принадлежности (формирование национального сообщества). Успех этой институциональной формы привел к ее копированию или «натягиванию» на политии иных, несовременных форм, которые таким образом подключались к мировой системе суверенитета.

Траектории развития многих государств сложились так, что им по тем или иным причинам не удалось достичь заветной территориальной и гражданской гармонии. Особый класс политий в этом ряду формируют так называемые разделенные общества, в которых политическое противостояние между группами имеет отчетливо выраженный сегментарный характер религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной, расовой или этнической природы. Чаще всего мы встречаем их в Азии и Африке, где вертикальные межсегментные перегородки политически оформились в ходе государственного строительства по проектам бывших метрополий, но они есть и в обеих Америках, и в разных частях Европы.

Для таких обществ поиск оптимальной институциональной рамки политической жизни всегда был в прямом смысле жизненно важной задачей, поскольку угроза насилия и государственной несостоятельности не просто маячила на горизонте, но не раз получала конкретные проявления. В этом процессе поиска активно участвовало и участвует политологическое сообщество, разрабатывая теоретические концепции и эмпирические модели организации власти в разделенных политиях. Многие из этих наработок лежат в основе конкретных формул постконфликтного урегулирования.

Основные направления современных исследований в этой области рассмотрены в статье И.В. Кудряшовой «Как обустроить разделенные общества». Она фокусирует внимание на научных дискуссиях относительно преимуществ и недостатков различных моделей распределения власти (консоциации *versus* центристские режимы), а также освещает альтернативные концепты (политический контроль, разделение власти и правозащитная сессия). Как отмечает автор, в настоящее время это направление в политологии методологически «переросло» рамки институционализма и повернулось лицом к социальному конструктивизму, что в практической плоскости означает курс на восстановление межгруппового доверия, в том числе через формирование разнообразных общественных дискурсов и продвижение общечеловеческих ценностей.

О.Г. Харитоновна в статье «Этнические войны и постконфликтная демократия» анализирует состояние двух тесно связанных, но не в одинаковой мере разработанных областей исследований – гражданских и этнических войн и постконфликтной демократии. Автор отмечает, что в настоящий момент сложился консенсус вокруг определения этих видов войн, однако по-

прежнему нет согласия относительно их факторов и условий. Главными проблемами остаются операционализация и измерение ключевых переменных, а также объяснение причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. Несмотря на выявленную статистическую значимость, количественные модели не могут раскрыть эти механизмы, так как не учитывают политической воли акторов, действующих в разных институциональных контекстах.

Традиционная для «Политической науки» рубрика «Контекст» посвящена на этот раз политическому контролю в разделенных обществах. Один из лидеров этого направления, Я. Лустик, в свое время отмечал, что исследования авторитарных режимов не могут исчерпывающе осветить эту тему, поскольку наряду с насилием или угрозой насилия для удержания контроля в таких обществах применяются различные политические и экономические механизмы и институциональные техники. В статье «Саудовская Аравия: Национальное единство без плюрализации» Г.Г. Косач показывает исторические источники фрагментации саудовского общества и уделяет особое внимание вопросам взаимодействия политической элиты и отдельных фрагментов социума, прежде всего не принадлежащих к господствующей ханбалитско-ваххабитской версии ислама. В связи с этим автор обращается к анализу действий государства, направленных на создание институциональных элементов представительной власти, а также закрепления вновь появляющихся институтов и практик в общественном сознании и поведении. Подчеркивается, что возможность становления в Саудовской Аравии национально ориентированного общества остается далекой перспективой.

В центре внимания Е.С. Мелкумян – другое ближневосточное общество, бахрейнское, пережившее тяжелые испытания в ходе «арабской весны». В статье «Разделенное общество Бахрейна и перспективы его консолидации» автор рассматривает историю шиитской общины в Королевстве Бахрейн, особенности ее социально-экономического положения и политического участия на различных этапах развития страны, в том числе в период массовых протестов 2011 г. Особое внимание уделяется механизмам, используемым для контроля шиитского сегмента как в период существования британского протектората, так и после обретения независимости. Отмечается, что курс властей вряд ли приведет в ближайшей перспективе к выработке консенсуса и консолидации бахрейнского общества.

В статье А.Н. Щербака, Л.С. Болячевец и Е.С. Платоновой «История советской национальной политики: Колебания маятника?» поставлена задача рассмотреть советскую национальную политику как целостное явление, обладающее определенной логикой и содержанием. Выделяя несколько основных периодов национальной политики, авторы используют для их анализа концепцию «маятника», что позволяет зафиксировать чередование мягких и жестких волн. Аргументация статьи основана на анализе данных советской официальной статистики по трем основным измерениям: административный статус национально-территориальных единиц, кадровая политика и культурно-языковая политика. Результаты исследования позволяют проследить взаимосвязь между сменой политических курсов и изменениями фокусов в национальной политике, а также объяснить причины роста национализма в СССР в 1980–1990-е годы.

Еще одна постоянная рубрика журнала, «Ракурс», объединяет материалы, рассматривающие конфликты в разделенных обществах в контексте территориальной организации власти. С.М. Хенкин в статье «Баскская проблема как фактор разобщения испанской политики» концентрирует внимание на противостоянии основных участников «баскской проблемы» – радикальных националистов, умеренных националистов и испанского государства по вопросу о политико-территориальном размежевании. Отдельно изучается положение в регионе после прекращения активной деятельности группировки ЭТА. По мнению автора, «баскская проблема», хотя и лишенная террористической составляющей, по-прежнему разобщает и баскское, и испанское общество.

В работе С.М. Кретьева «Федерализм как способ гармонизации интересов боливийского Востока и Запада» представлен анализ возможностей применения институционального подхода для гармонизации интересов основных сегментов боливийского общества, индейского и креольского, и строительства единой нации-государства. На основе изучения исторического развития, отношений между боливийским Востоком и Западом, а также политики Эво Моралеса – первого президента, признавшего необходимость разрешения острого внутреннего конфликта, автор делает вывод о возможностях и ограничениях федерализации как модели решения этносоциального кризиса в Боливии и других разделенных обществах.

В разделе «Первая степень» опубликованы статьи А.О. Блохиной «Ферганский фактор» и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии» и А.В. Порошина «Роль доминантной партии в регулировании этнических конфликтов (на примере Малайзии)». В первой из них рассматривается влияние «ферганского фактора» на состояние политических и социокультурных границ в Киргизии, дважды за период независимости пережившей насильственную смену власти, а также межэтнические столкновения. Автор отмечает, что после революции 2010 г. правящие элиты взяли курс на укрепление формальных политических институтов и развитие партийной конкуренции, что принесло свои плоды в виде стабилизации политической системы и успешного проведения парламентских выборов 2015 г.

А.В. Порошин рассматривает роль доминантной партии в регулировании этнических конфликтов в Малайзии. Руководствуясь теорией формирования режимов с доминантной партией в условиях гетерогенного общества, автор показывает, что создание широкой политической коалиции с участием партий этнических меньшинств и включение их представителей в состав правительства удовлетворяют политические и экономические интересы последних, обеспечивая их лояльность режиму. Анализ сфокусирован на особенностях партийной системы и коалиционной политики, включая отношения власти и оппозиции.

Рубрика «Представляем журналы» содержит обзоры двух журналов по проблематике постконфликтного урегулирования, международного посредничества и мирного строительства. Первый обзор, подготовленный Е.А. Дементьевым и А.В. Гришиным, посвящен «Журналу исследований проблем мира» (*«Journal of peace research»*), одному из старейших научных междисциплинарных журналов этой области (в 2014 г. он отпраздновал свой полувековой юбилей). Во втором обзоре, выполненном И.В. Дмитриевым, – освещаются статьи из журнала «Научные исследования управления конфликтами и мирного урегулирования» (*«Conflict management and peace science»*). В обоих обзорах представлены номера журналов за 2015 г.

В разделе «С книжной полки» размещены реферат статьи Д.Л. Горовица «Распределение власти в полиэтнических обществах: Три большие проблемы» и рецензия Е.М. Харитоновой под названием «Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии».

Д.Л. Горовиц не нуждается в представлении, будучи одним из наиболее известных специалистов в области этнической конфликтологии. В статье, реферат на которую предлагается вниманию читателей, он критически осмысливает результаты применения систем разделенной власти и центростремительных коалиций в условиях доминирования одной из этнических партий.

В обзоре Е.М. Харитоновой затрагивается тема, имеющая непосредственное отношение к проблематике разделенных обществ, – тема динамики и конкуренции политических идентичностей. Обе рассматриваемые книги (*McCrone D., Bechhofer F. Understanding national identity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 226 p.; Ethnic identity and inequalities in Britain. The dynamics of diversity / Jivraj S., Simpson L. (ed.). – Bristol: Policy press, 2015. – 250 p.*) посвящены национальным и этническим идентичностям в Великобритании. При сходстве проблематики работ британское общество изучается в них с различных позиций. В центре внимания Д. МакКроуна и Ф. Бекхофера – соотношение британской, английской и шотландской наци-

ональных идентичностей, а коллектив авторов под руководством С. Дживрая и Л. Симпсона изучает тенденции, связанные с процессами инокультурной иммиграции.

Мы надеемся, что этот номер «Политической науки» будет интересен нашим читателям, послужит активизации научной дискуссии по проблемам политической организации разделенных обществ.

Статьи И.В. Кудряшовой «Как обустроить разделенные общества», О.Г. Харитоновой «Этнические войны и постконфликтная демократия», С.М. Хенкина «Баскская проблема как фактор разобщения испанской политики» и А.О. Блохиной «Ферганский фактор» и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии» подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Политические режимы разделенных обществ в условиях глобализации», проект № 16-03-00872.

И.В. Кудряшова, О.Г. Харитонова

Состояние дисциплины: исследования разделенных обществ и постконфликтного урегулирования на современном этапе

Как обустроить разделенные общества

И.В. Кудряшова¹

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления современных исследований в области институциональной организации разделенных обществ, выделены линии научных дискуссий и обозначены проблемы тех или иных теоретических и эмпирических моделей, а также уточнен понятийный аппарат. Констатируется, что в настоящее время различные научные подходы (распределение власти, интегративное распределение власти, разделение власти) продолжают развиваться и приобретают новые измерения.

Ключевые слова: разделенные общества; постконфликтное урегулирование; распределение власти; разделение власти; этнический конфликт.

I.V. Kudryashova

How to accomplish stability in divided societies

Abstract. The article examines the main areas of contemporary research in the field of institutional organization of divided societies. It highlights the directions of discussion on the topic and indicates the problems embedded in a number of theoretical and empirical models, as well as explains the key terms. It is stated that at present different scientific concepts such as power sharing, integrative power sharing, power dividing etc. acquire new dimensions.

Keywords: divided society; post-conflict regulation; power sharing; power dividing; ethnic conflict.

Вопрос институционального выбора для разделенных обществ всегда находился в центре внимания и политологов, и политиков. Это вполне объяснимо – качество этого выбора во многом определяет достижение политической стабильности (понимаемой нами вслед за Я. Лустиком как формирование и воспроизводство таких паттернов политического поведения, которые исключают незаконное политическое насилие и не вызывают у общественности сомнений относительно их устойчивости в обозримом будущем [Lustick, 1979]). Опираясь на базу данных о властных отношениях этнических групп², исследователи делают вывод о том, что кризисные ситуации порождает не этническая гетерогенность сама по себе, а определенные конфигурации власти: серьезные риски несут в себе как исключение этнических групп из центрального

¹ Кудряшова Ирина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: kudryashova23@yandex.ru **Kudryashova Irina**, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: kudryashova23@yandex.ru

² Ethnic power relations 3.0. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/>

правительства, так и высокая сегментированность последнего [Wimmer, Cederman, Min, 2009, p. 317]. С 1946 по 2005 г. в мире произошло 110 этнических конфликтов, многие из которых длятся до сих пор³. Как свидетельствует исторический опыт, межгрупповое насилие способно иметь глобальные последствия.

Поиск формулы представительства интересов конфликтующих сегментов, обеспечивающей не только их участие во власти, но и эффективность правительства, сопровождается горячими дебатами. Как правило, эксперты не подвергают сомнению только одну достаточно очевидную вещь: преимущество демократических институтов. По всем остальным вопросам – соотношению индивидуальных прав человека и прав меньшинства, распределению полномочий между президентом и парламентом, типам избирательных систем, нарезке избирательных округов, определению этнических квот, территориальному устройству разделенных политий, – их мнения разнятся [см., например: Ильченко, 2011; Sisk, 2002; Lake, Rothchild, 2005; Reilly, 2005; Wolff, Weller, 2006; Norris, 2008; Selway, Templeman, 2012; Bird, 2014; Hartzell, Hoddie, 2015; Territorial autonomy... 2015]. Сам принцип распределения власти (*power sharing*) также не избежал общей участи быть подвергнутым сомнению: Ф. Рёдер, например, выступает против закрепления одной конфигурации представительства сегментов и отстаивает стратегию «общего государства» (*common state*) и разделения власти между правительством и гражданским обществом и между различными ветвями власти. В его логике аккомодация субкультурных различий должна быть основана на сотрудничестве между свободно формирующимися и изменяющимися коалициями большинства и меньшинств и в гражданском обществе, и во властных структурах [Roeder, 2005].

Отметим, что, несмотря на это исследовательское «многоголосие», принципиальной точкой расхождения во мнениях выступает один вопрос: на чем должен быть сделан приоритетный акцент – на включении сегментов в политический процесс с предоставлением соответствующих гарантий их прав или на создании институциональных стимулов к формированию умеренного межгруппового центра. И первое, и второе преимущественно оценивается не в нормативном ключе (хотя и это может иметь место), а инструментально, с точки зрения практической необходимости обеспечения стабильности. Как отмечает С. Вольф, рациональный выбор институционального дизайна предполагает, что конфликты могут регулироваться с помощью институциональных сделок, которые сохраняют прочность до тех пор, пока вовлеченные в них акторы имеют стимулы (власть, статус, безопасность, экономические преимущества и др.) их придерживаться – и тем самым воспроизводить [Wolff, 2010, p. 2].

Учитывая это расхождение, мы попытаемся представить анализ как логики условного «мейнстрима», так и некоторых других подходов к организации разделенных обществ. Прежде, однако, представляется существенным уточнить само понятие разделенного общества.

Общества: Фрагментированные, многосоставные, разделенные...

В книге «Демократия в многосоставных обществах» А. Лейпхарт отмечает, что стимул для создания эмпирической модели консоциативной демократии ему дала «теоретическая разработка проблем политической стабильности, в особенности классическая типология политических систем Г.А. Алмонда» [Лейпхарт, 1997, с. 40]. Как известно, в последней Алмонд обозначил, но подробно не рассмотрел промежуточный тип систем (страны Скандинавии и Нижние земли – Бельгия, Нидерланды, Люксембург), помещенный им между гомогенным и весьма стабильным англо-американским типом и фрагментированным и менее стабильным европейско-континентальным. В дальнейшем он предложил отнести скандинавские системы к англо-американскому типу демократии ввиду их высокой политической однородности.

³ Ethnic armed conflict (EAC) version 3.01. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/>

Нидерланды, Бельгия, Австрия и Швейцария заслужили особое внимание Лейпхарта (кстати, уроженца Нидерландов) тем, что при высокой фрагментированности их политические системы оставались стабильными. Ученый объясняет этот феномен сотрудничеством лидеров различных групп с целью преодоления субкультурных противоречий [Lijphart, 1968]. В более поздних работах он заменил термин «фрагментированное общество» на «многосоставное» (*plural society*) и определил его как общество, разделенное сегментарными различиями религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной, расовой или этнической природы, которые совпадают полностью или частично с линиями политического противостояния [Лейпхарт, 1997, с. 38–50].

Термин «разделенное общество» имеет свою историю. Он был впервые использован Э. Нордлингером в книге «Регулирование конфликтов в разделенных обществах» (1972). Несмотря на такое название, Нордлингер в самом начале своей работы говорит, что ее темой является не управление конфликтами в разделенных обществах вообще, а регулирование конфликтов в глубоко разделенных обществах с открытыми (неавторитарными) режимами, и подчеркивает свой интерес к случаям «тяжелого исхода» политического конфликта [см.: Guelke, 2012, p. 6–7].

Определение глубоко разделенных обществ у Я. Лустика не фиксирует конфликты с «тяжелым исходом». Это общество, в котором «аскриптивные связи генерируют антагонистическую сегментацию, основанную на политически отчетливых конечных идентичностях, поддерживаемую в течение существенного промежутка времени и по широкому кругу вопросов» [Lustick, 1979, p. 325]. Исследователь полагает, что эта и другие дефиниции («многосоставное», «вертикально сегментированное», «коммунально разделенное» общество) могут быть использованы как синонимы, однако его акцент на аскриптивных связях как источнике сегментарных противоречий сужает понятие многосоставности Лейпхарта.

Х. Лернер, объясняя использование понятия «глубоко разделенное общество», привязывает его, как и Нордлингер, к «интенсивным и комплексным» социальным конфликтам, но отсоединяет от демократических систем. По ее мнению, «пэттерны политического поведения в постконфликтных разделенных обществах отличаются от тех, что предполагаются в разделенных, но стабильных демократиях, где сильное чувство гражданской связи питает межгрупповое доверие» [Lerner, 2011, p. 30]. Для глубоко разделенных обществ характерны конфликты между группами, имеющими конкурирующие представления о своем государстве; сам конфликт выражен в столкновении социальных норм и ценностей, в особенности касающихся национальной или религиозной идентичности [ibid., p. 31]. Сходной позиции придерживается П. Панов, который особо обращает внимание на «примордиализацию» любых отличительных признаков групп в таких обществах [Панов, 2013, с. 33–34].

Несмотря на отмеченные выше нюансы в подходах, термин «многосоставное общество» можно считать наиболее широким. Он включает в себя и вариант «глубоко разделенное общество», который достаточно редко используется для характеристики демократических систем с развитыми гражданскими структурами.

Еще один терминологически любопытный момент связан с тем, что под многосоставными обществами часто понимают этнически разделенные (мы сами сослались в начале этой статьи на базы данных о властных отношениях этнических групп и об этнических войнах, аргументируя значение институционального выбора для разделенных обществ). Между тем у Лейпхарта приведены и другие основания для формирования сегментов и сегментарных противоречий (см. выше).

Самое простое объяснение заключается в том, что этнические конфликты возникают в современном мире достаточно часто, а модель консociативной демократии нередко проходит проверку именно в ходе постконфликтного урегулирования. Но что такое этнос? Научные школы предлагают разные ответы на этот вопрос. Этнос определяют и как расширенную род-

ственную группу, и как групповой инструмент борьбы за приобретение дефицитных ресурсов, и как продукт целевого социального конструктивизма. В российском общественно-политическом и научном дискурсе этот термин насыщен, как правило, примордиалистскими смыслами, т.е. этнос приравнивается к антропологической константе.

В дефиниции классика «культурного примордиализма» Э. Смита этнос предстает «типом культурной общности, которая подчеркивает значение мифа об общем происхождении и исторической памяти и которую можно выделить по одному или нескольким культурным основаниям – религии, обычаям, языку или институтам» [Smith, 1991, p. 20]. В таком контексте этнические характеристики могут трактоваться весьма расширительно.

Проблема (и источник многих конфликтов) состоит в том, что эти характеристики как символические узы родства и близости оказываются удобным средством национального строительства. Это предполагает политизацию общего происхождения, языка, истории и других объектов и, поскольку история знает мало примеров образования моноэтнических наций, ведет к появлению «этнических» победителей и аутсайдеров, готовых отстаивать свои права [Кудряшова, Мелешкина, 2009].

Вопрос о власти: Разделить нельзя интегрировать

Споры в литературе по политической организации разделенных обществ ассоциируются в первую очередь с двумя яркими фигурами – выдающимися компаративистами А. Лейпхартом и Д. Горовицем [см., например: Лейпхарт, 1997; Lijphart, 1999; 2007; Horowitz, 1985; Horowitz, 1991; 2014⁴]. Первый выступает убежденным сторонником консоциативного подхода (лат. *consociatio* – сообщество), считая распределение власти между сегментами не только лучшим выбором для разделенных обществ, но и наиболее реалистичным – мажоритарные системы не могут быть использованы в таких обществах, поскольку системно исключают меньшие сегменты из процесса принятия решений. Последнее может с большой вероятностью порождать насилие и в итоге привести к распаду политической системы.

Теория консоциативной демократии основана на многолетних сравнительных наблюдениях за «работой» различных политических систем и не раз корректировалась. Это позволяет считать ее также эмпирической моделью. Отправной точкой консоционализма выступает сотрудничество элит (лидеров сегментов) с целью управления конфликтом.

Для этой политической формы характерны четыре структурные характеристики. Во-первых, большая коалиция, представляющая все значимые сегменты многосоставного общества. Она позволяет лидерам приходить к консенсусу по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Во-вторых, пропорциональность как основное условие защиты групповых интересов при распределении ключевых государственных постов и ресурсов на всех уровнях (центральном, региональном, местном). Консоционализм подразумевает наличие многопартийности и пропорциональной избирательной системы; при этом могут иметь место сознательное завышение представительства меньшинства или паритетное представительство при наличии двух неравновесных сегментов.

В-третьих, взаимное право вето при принятии общественно важных решений, которое гарантирует соблюдение интересов меньшинств. Оно может быть оформлено законодательно или соблюдаться на основе неформальных договоренностей.

⁴ Реферат этой статьи Д. Горовица («Распределение власти в полиэтнических обществах: Три большие проблемы») опубликован в данном выпуске журнала «Политическая наука».

В-четвертых, высокая степень автономии групп в решении внутренних вопросов. Она может быть реализована в форме территориального федерализма или «корпоративного федерализма» (нетерриториальной автономии).

Стабильности консоциативной демократии (которая, несмотря на свое название, может функционировать и в обществах с гибридными режимами⁵) способствуют некоторые условия (например, четкое разделение сегментов, баланс сил, наличие внешних угроз и небольшой размер страны) [Лейпхарт, 1997; Lijphart, 2007].

Консоциативная демократия имеет и другие институциональные характеристики, однако для нас в первую очередь важно зафиксировать тот момент, что инклюзивная политика в отношении сегментов (т.е. их широкое представительство в парламенте и правительстве) не сопровождается продвижением умеренных политических установок и ориентаций (последнее чрезвычайно важно для судьбы реформ в переходных обществах). Как отмечает Я. О'Флинн, пропорциональная избирательная система, уверенно обеспечивая представительство групп меньшинств при невысоком избирательном пороге и достаточно крупных избирательных округах, поощряет и взлет радикализма, шовинизма и ксенофобии. Более того, экстремистская риторика может помочь умеренным силам обыграть радикалов в своем сегменте – и впоследствии им будет трудно отказаться от нее. Радикалы в коалиции опасны не столько тем, что могут использовать право вето, блокируя принятие решений, сколько тем, что изображают попытки достичь компромисса как признак слабости группы [O'Flinn, 2007, p. 735–736].

Интересный исследовательский проект осуществил коллектив под руководством Я. Лустика. Смоделировав возможные паттерны политического поведения меньшинств при тех или иных условиях в виртуальной мультикультурной, мультиэтнической и мультирегиональной стране Бейта (Beita), ученые пришли к выводу, что консоциативная система поддерживает тенденцию к укреплению этнополитической идентичности и мобилизации крупных групп меньшинств [Lustick, Miodownik, Eidelson, 2004].

Как утверждают Дж. МакГарри и Б. О'Лири, условию большой коалиции в этой системе придается чрезмерное значение, потому что на деле консоциативные механизмы становятся работоспособными по мере преодоления субкультурных границ и развития чувства общности. Это соображение подвигло их к выделению альтернативных видов консоциаций: к «единодушной» (т.е. собственно большой коалиции) они добавили «совпадающую» (*concurrent*), где исполнительная власть имеет поддержку большинства в каждом значимом сегменте, и «слабую», где исполнительная власть имеет только частичную поддержку в одном или нескольких сегментах. По их твердому убеждению, в последнем случае консоционализм недемократичен [McGarry, O'Leary, 2004]. Следуя этой логике, они выступают не за корпоративное, а за либеральное распределение власти, поощряющее любые группы с отчетливой политической идентичностью, в том числе трансгруппового характера, к участию в демократических выборах [McGarry, O'Leary, 2007, p. 675–676].

Дж. Селвэй и Х. Темплмен на основе количественного анализа случаев конфликта в 101 стране (106 режимов) также делают огорчительное для сторонников консоционализма заключение, что основные институциональные рекомендации Лейпхарта приводят к более высоким уровням политического насилия, чем обычно принято считать [Selway, Templeman, 2012].

Однако главным критиком институционализации сегментарных различий через пропорциональную систему представительства выступает Д. Горовиц. Особую весомость позиции ученого придает наличие альтернативного проекта. В целом в его критической аргументации можно выделить две основные линии: во-первых, поддержание межсегментных границ не отве-

⁵ Согласно выводам Е. Вавилиной, тип режима не оказывает влияния на выбор элит в пользу системы *power sharing*; главную роль в выборе играют интенсивность конфликта и этническая структура населения [Вавилина, 2015].

чает интересам стабильности, а во-вторых, наличие у лидеров большинства возможности самостоятельно контролировать все политические структуры не создает стимулов к сотрудничеству с сегментами меньшинств.

Горовиц убежден, что в разделенных обществах политическая система должна быть организована таким образом, чтобы способствовать «рассеиванию» конфликта и созданию демократических стимулов к строительству умеренных коалиций поверх этнических расколов. Для этого предложены следующие механизмы: рассредоточение власти, во многих случаях территориальное, которое увеличит число властных центров и охладит накал борьбы в единственной точке ее сосредоточения (*focal point*); деволюция власти и резервирование должностей на этнической основе, чтобы усилить соревновательность внутри групп на местном уровне; поощрение межсегментных сделок, например принятие электорального законодательства, способствующего формированию предвыборных коалиций путем создания «пула голосов»⁶; политика поддержки альтернативных социально-классовых или территориальных объединений, перекрывающих межсегментные расколы; снижение неравенства между сегментами благодаря эффективному распределению ресурсов [Horowitz, 1985, p. 595–600]. Немалое внимание уделяется обоснованию необходимости сильной президентской власти с избранием президента по формуле, предусматривающей широкое распределение поддержки среди избирателей.

Основные замечания критиков Горовица и его последователей можно изложить так: недостаточность практического опыта, говорящего в пользу применения предлагаемого пакета рекомендаций; неясность появления мотивации лидеров групп (особенно крупных) к созданию умеренных коалиций; опора на мажоритарные виды избирательных систем, не позволяющих учесть весь спектр интересов; неясность мотивации избирателей к поддержке «чужих» партий и объединений.

Недавняя статья Горовица [Horowitz, 2014], которую можно считать своеобразным итогом его более чем тридцатилетней работы по проблематике разделенных обществ, сочетает в себе критику и самокритику. Он выделяет в ней три серьезных проблемы, обычно не замечаемых или не упоминаемых в исследованиях, посвященных межэтническому политическому примирению.

Первая проблема касается как раз практической применимости консоциативных или интегративных механизмов. Вторая обусловлена опасностью деградации электоральных договоренностей, заключаемых лидерами сегментов при формировании умеренной коалиции в рамках центристского режима. Третья является обычным следствием консоциализма: там, где создаются жесткие гарантии, включающие право вето меньшинства, существует высокая вероятность иммобилизации всей политической системы. Другие недостатки обеих моделей распределения власти Горовиц считает относительными: их можно корректировать.

С чем связаны неудачи практики постконфликтного урегулирования? Это асимметричные предпочтения групп большинства и меньшинства, прежде всего в отношении консоциации. Это общее желание избегать рисков и боязнь нового в этнической политике. Это наличие неоправданных ожиданий (например, в результате заимствования институтов, успешно функционирующих в стабильных демократиях) и исторических предубеждений. Это ограниченность кругозора части групповых лидеров и, наконец, наличие альтернатив урегулированию (продолжение военных действий или сецессия).

Деградация электоральных соглашений может привести к тому, что центристские коалиции будут не в состоянии привлечь достаточное количество голосов. Это случается из-за известной нелюбви этнического большинства к ограничениям своего мажоритарного

⁶ Д. Горовиц использует выражение «*vote pooling*», подразумевающее межпартийные договоренности об объединении голосов избирателей из разных сегментов и обмен ими при необходимости; сотрудничеству способствуют следующие системы: а) предпочтительная система альтернативного голоса; б) смешанные листы с общим списком избирателей; в) одномандатные округа с этнически гетерогенным составом избирателей.

правления, будь они консоциативного или центростремительного характера. Серьезный вызов этим соглашениям представляет собой слабость закона во многих переходных обществах – когда электоральные комиссии и суды не в состоянии выдержать давления, все договоренности также оказываются под ударом.

Третья проблема тесно связана со второй: если центростремительные соглашения иногда перестают исполняться, то консоциативные договоренности бывает очень сложно пересмотреть. При изменении баланса сил предписанные консоциативной теорией инклюзивное правительство и право вето меньшинств вполне могут вызвать такое же возмущение большинства, как и центростремительные режимы, ориентированные на компромиссные решения. В результате система не может обеспечить принятие политических решений и оказывается неэффективной.

Все эти проблемы пока не имеют готовых решений, поскольку связаны не только с формальными институтами, но и с общественными настроениями и ориентациями. Перспективу Горовиц видит в глубоких социальных и экономических изменениях, которые способны разрушать вертикальные перегородки по мере повышения уровня жизни, формирования среднего класса и снижения религиозности. Непосредственный толчок к изменению привычных форм политического поведения и организации могут дать любые кризисные явления, требующие быстрой реакции системы и коллективных решений [Horowitz, 2014].

За пределами *power sharing*

Встает вопрос: а что политическая наука может противопоставить «большим проблемам» систем распределения власти? Есть ли в ее арсенале иные подходы к институциональной организации разделенных обществ?

Выше мы упоминали о концепции Ф. Рёдера, получившей название системы разделения власти (*power dividing*). Ее ядром является ставка на формирование коалиций «по интересам» (в их состав могут входить различные участники), а несущей конструкцией – четкое разделение властей, которое характерно для президентских систем, мажоритарная избирательная система и высокий уровень защиты индивидуальных прав и свобод.

Рекомендации Ф. Рёдера по постконфликтному урегулированию сводятся к следующему: поддерживать следует такие политические образования, где население готово жить вместе и имеет «национальное чувство»; правительству нужно минимизировать количество спорных вопросов, решаемых на уровне центра; первоочередное внимание должно быть уделено строительству местных институтов; в процесс переговоров по будущему государственному устройству необходимо вовлекать не только представителей четко очерченных этнических групп, но и других участников; любое распределение власти требуется ограничить в пользу прямого управления международного сообщества [Roeder, 2005, p. 62–63].

Поскольку практика реализации подобного проекта в постконфликтном урегулировании отсутствует (для иллюстрации своих идей Рёдер в основном использует исторический опыт США), можно оценить его лишь с точки зрения исследовательской логики. Действительно, ожидаемые преимущества системы *power dividing* высоки [см.: Roeder, 2010], поскольку она максимально направлена на слом вертикальных перегородок и развитие гражданских прав и свобод. Сомнение вызывает, однако, положение о наличии национального чувства (*a sense of nationhood*) и присутствии гражданской идентичности на индивидуальном уровне как отправной точки урегулирования. Даже если и первое, и вторая формировались до конфликта, процесс их восстановления не может проходить быстро. Отсутствие же чувства общности и доверия препятствует созданию свободных коалиций групп большинства и меньшинств, а также индивидуальному выбору. В действительности существует невысокая вероятность становления демократии в полиэтничном обществе с политически активными сегментами, имеющими тер-

риториальную привязку; альтернативами выступают сецессия и откат к авторитаризму [Хари-тонова, 2013, с. 202–203].

О трудностях установления межгруппового доверия даже при демократическом режиме свидетельствует случай Северной Ирландии, где вопрос об использовании флагов и эмблем, а также проведении традиционных массовых парадов по случаю религиозных праздников и исторических событий (т.е. символов идентичности общин) остается до настоящего времени самой сложной сферой межгрупповых переговоров [Archick, 2015, p. 15]. Как представляется, эта модель может присутствовать в постконфликтном урегулировании скорее в качестве стратегической цели.

Я. О’Флинн, Р.С. Ласкин и другие сторонники делиберативной демократии предлагают уделять большее внимание нормативной стороне постконфликтного урегулирования [O’Flynn, 2007; 2010; *Deliberating across...* 2014]. По их мнению, и Лейпхарт, и Горовиц прагматически подходят и к принципу инклюзивности, и к формированию умеренного центра, поскольку прежде всего заинтересованы в политической стабильности и поиске инструментов ее обеспечения. Однако ценность инклюзивности и умеренности не может быть ограничена инструментальными рамками, поскольку обе они выступают ключевыми условиями для политического равенства.

В этой логике инклюзивность означает включение в процесс принятия решений на равных условиях всех, кто подпадает под действие этих решений. Связь между умеренностью и политическим равенством сложнее: это готовность смягчать требования, исходя из признания равного статуса всех участников. Такой подход требует создания общественного пространства, в котором граждане разделенного общества могли бы включаться в обсуждение различных вопросов поверх межгрупповых барьеров. Соответственно, государственная политика должна способствовать повышению удельного веса дискурсов в общественной сфере.

Предвосхищая критику относительно возможностей публичного обсуждения законодательных актов, открытости, терпимости к чужому мнению и готовности принять во внимание чужое мнение в постконфликтных условиях, ученые отмечают, что в тех случаях, когда существует общее согласие положить конец насилию, принципы становятся очень важными и что «взаимное признание разумности» является центральным элементом любой успешной попытки перехода к демократии. Мирные соглашения начинают жизнь как прагматичная сделка, но в интересах мира и общественного развития они должны встать выше взаимной выгоды и, в частности, отражать приверженность основным демократическим принципам.

В качестве примера эффективности делиберативного подхода Ласкин и его коллеги анализируют вовлечение протестантской и католической общин в Оме (Северная Ирландия) в дискурс о развитии местных школ. Взаимный интерес к обучению детей обусловил смягчение позиций сторон – и в итоге были найдены конструктивные решения [см.: *Deliberating across...* 2014]. Согласно О’Флинну, механизм, который продвигает умеренность, должен быть заложен не на уровне избирательной системы, а на уровне центральных институтов власти [O’Flynn, 2007, p. 748–749]. В целом та идея, что элиты сегментов в постконфликтном обществе не должны забывать о перспективах совместного общежития и должны уделять внимание ценностным основам постконфликтного национального строительства, представляется очень важной.

Недостаточно освещенной в политической науке остается тема политического контроля в разделенных обществах – контроля, устанавливаемого ведущей группой и практически исключаящего распределение власти. По метафорическому выражению Я. Лустика, систему контроля олицетворяет кукловод, дергающий кукол за веревочки, тогда как консociативную систему – аккуратно настроенные и очень точные весы [Lustick, 1979, p. 332]. Общества «кукловодов» в основном рассматриваются в рамках изучения авторитарных режимов, хотя наряду с насилием (или угрозой насилия) в них применяются различные политические и экономиче-

ские механизмы и институциональные техники, которые представляют значительный интерес для изучения.

Еще одна альтернативная линия исследований организации разделенных обществ вырисовывается в теме правозащитных сецессий (*remedial secession*). Предложивший этот термин юрист-международник Л. Бакхайт рассматривает правозащитную сецессию как последнюю из возможных форм защиты прав группы от угнетения государством [Buchheit, 1978, p. 222]. Его концепция находит свое подкрепление в инверсном толковании «защитительной оговорки» (*the safeguard clause*) в отношении принципа территориальной целостности в Декларации о принципах международного права, которая запрещает санкционирование или поощрение любых действий, ведущих к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории [Декларация о принципах... 1970]. Инверсное толкование этого положения позволяет сделать вывод, что государство, не имеющее правительства, равно представляющего весь народ, не обладает и правом ссылаться на существование принципа территориальной целостности, чтобы ограничить применение права народов на самоопределение. Однако ни один правовой институт до настоящего времени не принял документа, предоставляющего в каком-либо случае право на сецессию.

Концепция «правозащитной сецессии» имеет сторонников в политологическом сообществе, из которых наиболее известен А. Бьюкенен [Buchanan, 1991; 2004]. Именно он сформулировал основной аргумент концепции: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу» [Buchanan, 2004, p. 335].

Поскольку тренды развития современной международной системы не исключают возникновения новых государств [см.: Кудряшова, 2011], вопрос о сецессии и праве на нее остается в центре внимания научного сообщества. Так, оппонентом Бьюкенена выступает Д. Горовиц, который убежден, что сецессия не только не решает проблему конфликта, насилия или угнетения меньшинств, но может усугубить ее [Горовиц, 2013, с. 189]. Дж. Дей, однако, полагает, что, хотя право на сецессию не признано, международное сообщество стало ближе к одобрению сецессии в случае, когда государство совершает преступления против человечности в отношении территориально сконцентрированного меньшинства [Day, 2012, p. 32].

Заключение

Тема институциональной организации разделенных обществ остается очень важной не только для научного сообщества, но и для специалистов, разрабатывающих и претворяющих в жизнь планы постконфликтного урегулирования. Она дала жизнь устойчивому дискурсу, в котором постоянно возникают новые идеи и подходы и переосмысливаются старые. Эта область политических исследований как нельзя лучше иллюстрирует тесную связь политической науки и политической практики.

Критика той или иной модели – например, консociативной демократии или центростремительного режима – вовсе не означает, что она плоха и далека от жизни. Во-первых, никакая модель не может быть реализована полностью; во-вторых, как убедительно показал научный путь А. Лейпхарта, любая модель может корректироваться; в-третьих, наработанный теоретический арсенал имеет очень большое значение для осмысления проблем разделенных обществ

и выработки оптимального направления при переходе от конфликта к миру; в-четвертых, возможно формирование и использование гибридных моделей.

В теоретико-методологическом аспекте рассматриваемое направление уже вышло за рамки институционализма, уделяя значительное внимание восстановлению межгруппового доверия, в том числе через формирование общественного дискурса и продвижение общечеловеческих ценностей. Сам институциональный выбор расширяется за счет учета взаимодействия формальных и неформальных институтов, комплементарность которых имеет первостепенное значение для переходных обществ. Постепенно приходит понимание того, что предлагаемый пакет институциональных решений должен подходить именно тому обществу, в котором он будет реализован, т.е. соответствовать его социальной структуре, культуре и традициям.

На наш взгляд, важно учитывать те риски, которые несет разделенным обществам глобализация. Во многих случаях она осложняет управление культурным многообразием, стимулирует рост этнического национализма и активности трансграничных групп. Это означает, что для поддержания стабильности важны хорошие отношения с соседями и формирование региональных комплексов безопасности.

Список литературы

Вавилина Е.А. Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия: «Политология». – Пермь, 2015. – № 1 (29). – С. 94–110.

Горовиц Д.Л. Разрушенные основания права сецессии // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189–191.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 (XXV) на 25-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (Дата посещения: 20.11.2015.)

Ильченко М.С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: Переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 1. – С. 170–190.

Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.

Кудряшова И.В. Можно ли легитимировать сецессии, или О государственной состоятельности новых политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 75–104.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 31–49.

Харитонова О.Г. СФРЮ: Институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 190–204.

Archick K. Northern Ireland: The peace process / Congressional research service. 2015. – March 11. – 23 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21333.pdf> (Дата посещения: 18.11.2015.)

Bird K. Ethnic quotas and ethnic representation worldwide // International political science review. – Beverly Hills, Calif., 2014. – Vol. 35, N 1. – P. 12–26.

Buchanan A. Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. – Boulder, CO: Westview press, 1991. – 174 p.

Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. – N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 520 p.

Buchheit L.C. Secession: The legitimacy of self-determination. – New Haven: Yale univ. press, 1978. – 260 p.

Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late? / Cederman L.-E., Hug S., Shädel A., Wucherpfennig J. // American political science review. – Washington, D.C., 2015. – Vol. 109, N 2. – P. 354–370.

Day J. The remedial right of secession in international law // Potentia. – Ottawa, 2012. – Fall / Automne, Iss. 4. – P. 19–34.

Guelke A. Politics in deeply divided societies. – Cambridge, Maiden: Polity press, 2012. – 240 p.

Hartzell C., Hoddie M. The art of the possible: Power sharing and post-civil war democracy // World politics. – Baltimore, MD, 2015. – Vol. 67, Iss. 01. – P. 37–71.

Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. – 697 p.

Horowitz D.L. A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991. – 293 p.

Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 5–20.

Lake D.A., Rothchild D. Territorial decentralization and civil war settlements // Sustainable peace: Power and democracy after civil wars / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 109–132.

Lerner H. Making constitutions in deeply divided society. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 272 p.

Lijphart A. The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands. – Berkeley: Univ. of California press, 1968. – 222 p.

Lijphart A. Patterns of democracy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. – 351 p.

Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. – N.Y.: Routledge, 2007. – 305 p.

Deliberating across deep divides / Luskin R.C., O'Flynn I., Fishkin J.S., Russell D. // Political studies. – Guildford, 2014. – Vol. 62, Iss. 1. – P. 116–135.

Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics. – Baltimore, MD, 1979. – Vol. 31, Iss. 03. – P. 325–344.

Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J. Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // American political science review. – Washington, D.C., 2004. – Vol. 98, N 2. – P. 209–229.

McGarry J., O'Leary B. Introduction: Consociational theory and Northern Ireland // The Northern Ireland conflict: Consociational engagements. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – P. 1–60.

McGarry J., O'Leary B. Iraq constitution of 2005: Liberal consociation as political prescription // International journal of constitutional law. – Oxford, 2007. – Vol. 5, N 4. – P. 670–698.

Norris P. Driving democracy: Do power-sharing institutions work? – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 320 p.

O'Flinn I. Divided societies and deliberative democracy // British journal of political science. – L., 2007. – Vol. 37, Iss. 04. – P. 731–751.

O'Flinn I. Democratic theory and practice in deeply divided societies // Representation. – L., 2010. – Vol. 46, Iss. 3. – P. 281–293.

Reilly B. Does the choice of electoral system promote democracy? The gap between theory and practice // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 159–171.

Roeder Ph.G. Power dividing as an alternative to ethnic powersharing // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornel univ. press, 2005. – P. 51–82.

Roeder Ph.G. Power dividing. – 2010. – 27 p. – Mode of access: <http://www.ethnopolitics.org/isa/Roeder.pdf> (Дата посещения: 27.11.2015.)

Selway J., Templeman Kh. The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2012. – N 45 (12). – P. 1542–1571.

Sisk T.D. Power sharing and international mediation in ethnic conflicts. – Washington, D.C.: United States Institute of peace, 2002. – 143 p.

Smith A. National identity. – L.: Penguin, 1991. – 227 p.

Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict: A configurational analysis of a new global dataset // *American sociological review*. – Menasha, Wis., 2009. – Vol. 74 (April). – P. 316–337.

Wolff S., Weller M. Self-determination and autonomy: A conceptual introduction // *Autonomy, self-governance, and conflict resolution: Innovative approaches to institutional design in divided societies* / Ed. by Wolff S., Weller M. – N.Y.: Routledge, 2006. – P. 1–25.

Wolff S. Consociationalism, power sharing, and politics at the center. – 2010. – Mode of access: [http://www.stefanwolff.com/files/Consociationalism,%20Power%20Sharing,%20 and %20Politics%20at%20the%20Center.pdf](http://www.stefanwolff.com/files/Consociationalism,%20Power%20Sharing,%20and%20Politics%20at%20the%20Center.pdf) (Дата посещения: 12.11.2015.)

Этнические войны и постконфликтная демократия

*О.Г. Харитонова*⁷

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния исследований этнических войн в контексте гражданских войн, причин, институциональных и контекстных факторов, способствующих началу и возобновлению гражданских и этнических войн, связей между политическими режимами и риском гражданских и этнических войн, а также перспектив постконфликтного урегулирования разделенных обществ. Автор показывает, что, несмотря на выявленную статистическую значимость, количественные модели не могут раскрыть причинно-следственные связи, так как не учитывают политической воли акторов, действующих в разных институциональных контекстах.

Ключевые слова: гражданская война; этническая война; разделенное общество; постконфликтная демократия.

O.G. Kharitonova

Ethnic wars and post-conflict democracy

Abstract. The article analyzes the state of the research of civil wars, ethnic wars, the conditions and institutional and contextual factors which increase the risk of beginning and resuming wars, the relationship between political regime types and civil and ethnic war risks. Special attention is given to the post-conflict institutional regulation of divided societies. The article concludes that despite the statistical significance of various variables, the quantitative models can not reveal the cause-and-effect relationships without taking into account the political will of actors acting within different institutional contexts.

Keywords: civil war; ethnic war; divided society; post-conflict democracy.

Вследствие увеличения числа внутренних вооруженных конфликтов, в том числе этнических, в 1990-е годы в сферу сравнительных исследований режимных изменений вошли гражданские войны, которые рассматривались с использованием наработок по теориям протестов, гражданских волнений и социальных революций. В статье сделана попытка изучения состояния исследований этнических войн в контексте гражданских войн, причин, институциональных и контекстных факторов, способствующих началу и возобновлению гражданских и этнических войн, связей между политическими режимами и риском гражданских и этнических войн, а также перспектив постконфликтного урегулирования разделенных обществ.

Этнические войны в контексте гражданских войн

Этническая война – тип гражданской войны, в которой стороны конфликта представлены этническими группами [Cederman, Buhaug, Rød, 2009]. Однако не все политологи рассматривают этнические войны отдельно от гражданских войн другого типа. Такой подход позволяет увеличить число рассматриваемых казусов, что помогает решить проблему «слишком мало

⁷ Харитонова Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru Kharitonova Oxana, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

казусов, слишком много переменных». Одновременно уменьшается число переменных вследствие их статистической незначимости при исследовании всех примеров гражданских войн, таких как этнический состав населения и степень фрагментации. В результате авторы объясняют причины гражданских войн в целом и этнических войн в частности через объективные, в основном социально-экономические переменные, коррелирующие с началом любых внутренних войн.

Существует множество определений гражданских (или внутренних) войн. Большинство исследователей определяют их как вооруженное столкновение, происходящее внутри границ суверенного государства, между двумя и более акторами, имеющими общую власть до начала конфликта. В гражданских конфликтах государство уже не обладает монополией на применение насилия вследствие появления группы вооруженных повстанцев. Наиболее авторитетным считается определение гражданской войны Сингера-Смола в проекте «Корреляты войны»⁸: во-первых, она приводит к 1000 боевых жертв⁹ в год (причем не менее 10% с каждой стороны); во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство; в-третьих, эффективное сопротивление с обеих сторон конфликта; в-четвертых, конфликт происходит в рамках определенной политической единицы. Таким образом, гражданские войны операционализируются, в первую очередь, через число жертв в суверенном государстве, причем одной из сторон конфликта должно быть государство, и обе стороны должны нести боевые потери. Такая общепризнанная операционализация позволяет отделить гражданские войны от террористических актов, геноцида, столкновений между криминальными группировками, переворотов и межгосударственных войн. Однако исследователи не пришли к согласию относительно того, как классифицировать войны, в ходе которых изменились основные акторы, – как одну долгосрочную войну или как несколько отдельных последовательных (например, война в Афганистане). Учитывая, что многие количественные исследования в качестве зависимой интервальной переменной рассматривают продолжительность гражданской войны, различия в классификации могут привести к разным результатам и, соответственно, к разным выводам.

Этнические войны имеют все признаки гражданских войн и ведутся с целью расширения политических прав определенных этнических групп и получения участия в процессах рекрутирования должностных лиц, принятия решений и самоуправления (от автономии до независимости) [Roeder, 2003, p. 512]. Согласно П. Кольеру, во время гражданских конфликтов этничность часто используется как инструмент пропаганды, и если этнические расколы не являются причинами конфликта, они могут быть его последствиями, так как общества попадают в «ловушку этнических категорий» [Collier, 2007, p. 56]. Другими словами, вражда между этническими группами может не быть причиной войны, но может стать ее результатом.

Этнические войны в странах, где одна этническая группа доминирует в принятии решений, а другая сконцентрирована на периферии («сыны почвы», по определению Фиарона), находятся на втором месте (после войн, связанных с контрабандным финансированием, см. ниже) по продолжительности (медиана – 23,2 года, среднее арифметическое – 33,7 года) [Fearon, 2004]. Сочетание ресурсов (контрабандное финансирование) и этнических притязаний увеличивает продолжительность этнических войн. В то время как идеологические гражданские войны ведутся с целью получения контроля над государством, этнические войны обычно являются сепаратистскими по природе. Группы стремятся к большей автономии или

⁸ Проект «Корреляты войны» основан в 1963 г. Д. Сингером и М. Солом (см.: The correlates of war project [Корреляты войны]. – Mode of access: <http://www.correlatesofwar.org/>)

⁹ Конфликты с числом жертв от 1000 в год собраны в базе гражданских войн «Корреляты войны». Конфликты с числом жертв от 25 в год – в базе вооруженных конфликтов Уппсальского университета (см.: Department of peace and conflict research Uppsala universitet [Отдел изучения мира и конфликтов Уппсальского университета]. – Mode of access: <http://www.pcr.uu.se/research/UCDP/>). В данном контексте следует иметь в виду, что другие режимные изменения, в том числе перевороты и революции, оказываются в этих базах.

самоопределению, причем, по мнению А. Доунса, чем длительнее война, тем больше вероятность появления требований политической независимости [Downes, 2006, p. 54].

При рассмотрении этничности как фактора этнических гражданских войн авторы понимают ее как примордиальную характеристику, как необходимый инструмент мобилизации ресурсов и стимулирования политических действий. Следовательно, лишения и дискриминация по этническому признаку провоцируют коллективные действия, для организации которых лидеры подчеркивают этническую принадлежность, что приводит к этническим войнам. Н. Самбанис уверен, что этнические войны характеризуются неизменной идентичностью и распространением историй о вековой вражде и дискриминации, поэтому все члены группы не имеют индивидуального выбора и вынуждены мобилизоваться, так как оппозиционная группа всегда будет видеть в них противников [Sambanis, 2000, p. 438]. Однако с точки зрения рационального выбора любые идеи общего блага, в том числе этнического, вызывают «проблему безбилетника», что усложняет мобилизацию и координацию действий этнических групп в вооруженных конфликтах [Collier, Hoefler, 2004].

По мнению Л. Кребса, этнические группы определяются на основе общей идентичности, однако объединяющие характеристики не являются примордиальными. По его мнению, исследователям этнических войн свойственны две крайности. Одна воплощается во взгляде, что конфликт является следствием «вековой вражды» между различными этническими группами, другая представлена в утверждении, что стороны этнической войны – «банды мародеров, рекрутированные политическими лидерами под знаменами общей этничности» [Krebs, Voth, 2009]. Согласно Ф. Рёдеру, в этнических конфликтах на первом месте стоят политические лишения. В базе конфликтов «Меньшинства на грани риска» все 117 этнических групп поднимали вопросы и экономического, и политического плана, и только одна из 98 групп, выступивших за культурные права, не поставила вопрос о правах политических [Roeder, 2003, p. 512]. Государство находится в центре этнических конфликтов, так как в этнических конфликтах победитель получает власть и, возможно, международное признание. Таким образом, этничность становится инструментом социальной и политической включенности [Cederman, Girardin, 2007, p. 175].

В свою очередь Дж. Фиарон придерживается мнения, что в этнических конфликтах наблюдается переплетение рационального расчета и иррациональных эмоциональных реакций [Fearon, 1994]. Этническая мобилизация зависит от наличия коллективных идентичностей, мотивации и возможностей для совместных действий. Коллективные идентичности определяют границы этнических групп и создают основу для артикулирования и агрегации общих интересов, мотивация определяет стимулы, а возможности зависят от расстановки сил и других структурных факторов [Gurr, 2015]. Таким образом, когнитивный рациональный выбор усиливается аффективными ориентациями, базирующимися на этнической идентичности.

Этнические конфликты можно рассматривать и как следствие определенного пути государствообразования, когда элиты не в состоянии по каким-то причинам включить и интегрировать население [Cederman, Buhaug, Rød, 2009, p. 499]. Исключение по этническому принципу стимулирует политическую мобилизацию за представительство и включение этнической группы в процесс принятия решений или создание отдельного государства, в котором их этническая группа будет доминировать [ibid., p. 499].

По мнению Дж. Фиарона, этничность является продуктом социальных и политических структур [Fearon, 1994, p. 5], т.е. результатом социализации, поэтому этнические конфликты можно объяснить не через примордиальную вражду, а через так называемую «дилемму безопасности», когда недоверие между этническими группами усиливается вследствие распада государства, что стимулирует внутренние конфликты [Posen, 1993; Fearon, 1994]. Р. Джервис описал дилемму безопасности следующим образом: «Дилемма в чистом виде возникает, когда одной группе противостоит недоверчивая другая и когда действия, направленные на

усиление безопасности одной группы, расцениваются в качестве угрозы безопасности другой группы [цит. по.: Sambanis, 2000, p. 438]. Б. Позен считает, что дилемма усиливается, когда группы этнические, а государство ослаблено, либо формируется заново после распада или дезинтеграции [Posen, 1993]. По мнению Ч. Кауфмана, в условиях, когда этнические группы не уверены в том, что непредвзятая центральная власть может предотвратить гражданские конфликты, группы начинают мобилизацию с целью обороны. Такая мобилизация создает угрозу безопасности, так как «сложно принять эффективные оборонительные меры без превентивного наступления», и пока группы наступают и проводят этнические чистки, ни одна из них не может доверить свою безопасность другой [Kaufmann, 1998, p. 122].

Согласно Дж. Фиарону, когда две политические группы оказываются без третьей стороны, которая могла быть гарантом их соглашений, наблюдается всплеск этнического насилия. Независимо от настоящих договоренностей, никто не может дать гарантии соблюдения обязательств, поэтому отделение от слабого государства представляется лучшей альтернативой [подробнее см.: Fearon, 1994, p. 13–14]. Таким образом, дилемма безопасности приводит к превентивным войнам из-за невозможности ни получения гарантий в условиях анархии, ни достижения договоренностей, предотвращающих военные конфликты [Fearon, 1994].

По общепризнанному мнению, цивилизационные различия между сторонами конфликта только усиливают дилемму безопасности, так как они вызывают недоверие, поэтому увеличивается вероятность эскалации конфликта [Roeder, 2003, p. 514]. По его мнению, именно дискриминация в пользу одной цивилизационной или этнолингвистической группы привела к большому числу конфликтов в 1990-е. «Когда государственная религия превращала цивилизационные меньшинства в официальных цивилизационных диссидентов, вероятность конфликта за политические права достигала 63,8%, а вероятность политического насилия – 40,2%. Если цивилизационные меньшинства были этнолингвистическими, вероятность насилия достигала 65,5% и 41,9%, соответственно» [ibid., p. 535].

На примере внутренних этнических конфликтов между группой большинства и группой меньшинства Дж. Фокс эмпирически проверил классическое утверждение С. Хантингтона о наступающем конфликте цивилизаций. Исследовав этнические конфликты в течение двух периодов (233 конфликта в 1945–1989 гг. и 275 конфликтов в 1990–1998 гг.), он пришел к выводу, что цивилизационные конфликты представляют меньшинство (38,2 и 37,8% соответственно). Исламские группы были вовлечены в большинство цивилизационных конфликтов (23,2 и 24,7%), однако только небольшой процент цивилизационных конфликтов происходил между группами исламской и западной цивилизаций (5,6 и 6,9%) [Fox, p. 464]. С. Фиш также проверил тезис о воинствующем исламе и не нашел свидетельств корреляции между преимущественно исламским населением и политическим насилием внутри страны (единственным значимым фактором в моделях Фиша был уровень демократии) [Fish, Jensenius, Michel, 2010].

Политологи, изучающие этнические корреляты гражданских войн, в качестве независимой переменной используют различные индексы этнической фракционализации¹⁰ и приходят к противоречивым результатам. Многие количественные исследования не подтверждают связи между этническим составом и риском конфликтов. Большинство исследователей делают вывод об отсутствии влияния этнического состава на начало гражданской войны [Roeder, Fearon, Laitin, 2003; Fearon, Kasara, Laitin, 2007; Collier, Hoeffler, 2004]. Этническая гетерогенность уменьшает вероятность гражданской войны, так как координация действий усложняется [Collier, Hoeffler, 2004]. По мнению П. Кольера, объективные этнические лишения должны играть определенную роль в провоцировании конфликта, однако их важность была сильно

¹⁰ Большинство индексов фракционализации основаны на формуле Херфиндала и измеряют вероятность того, что два случайно выбранных индивида будут принадлежать к разным группам. Индекс этнолингвистической фракционализации (ЭЛФ) имеет значения от 0 (этническая гомогенность) до 100 (крайняя этническая гетерогенность).

преувеличена, так как никаких эмпирических подтверждений он не нашел [Collier, Hoeffler, 2004; Collier, 2007]. В исследованиях Кольера основные показатели этнического разнообразия не могут объяснить начало гражданских войн: этническая фракционализация значима только на 0,1 уровне, этническая поляризация незначима, и только этническое доминирование увеличивает риск конфликта в два раза [Collier, Hoeffler, 2004].

По мнению Л.-Э. Седермана, только определенные этнические конфигурации приводят к насилию и гражданским войнам, поэтому его команда вводит альтернативный индекс этнического исключения, а также новую переменную «власть у меньшинства» и повторяет модели Фиарона, в результате получив положительные значимые коэффициенты, подтверждающие связь между этничностью и конфликтами на казусах Евразии [Cederman, Girardin, 2007, p. 180]. Дж. Фиарон, в свою очередь, добавил доминирование этнического меньшинства в качестве нового фактора риска, но не смог подтвердить наличие связи между властью меньшинства и гражданской войной [Fearon, Kasara, Laitin, 2007].

В некоторых исследованиях этническая гетерогенность увеличивает вероятность внутреннего вооруженного конфликта или прямо [Sambanis, 2000; Hegre, Sambanis, 2006; Toward a democratic... 2001], или только косвенно через взаимодействие с другими факторами [Blimes, 2006]. Некоторые авторы говорят о наличии нелинейной параболической связи между этнической фракционализацией и риском гражданской войны. Риск будет небольшим при этнической гомогенности и крайней гетерогенности и высоким – при расколе населения на небольшое число отчетливых этнических групп [Elbadawi, Sambanis, 2002]. Т. Эллингенсен показывает, что различные аспекты многоэтнического состава (размер большей группы, число групп, размер группы меньшинства, этнические предпочтения) важны для объяснения внутренних вооруженных конфликтов. Конфликтов будет больше в странах, где доминирующая группа составляет менее 80% [Ellingsen, 2000, p. 241]. В ее исследовании связь между числом групп и риском вооруженного конфликта также имеет форму параболы: риск уменьшается при небольшом (1–2) и очень большом (5 и более) числе групп [ibid., p. 241].

М. Рейнал-Кверол считает, что отсутствие статистически значимой связи между этнической гетерогенностью и началом гражданской войны является следствием использования индекса ЭЛФ, поэтому она вводит индекс поляризации и показывает наличие устойчивой связи между поляризацией и риском гражданских войн. Риск войны в поляризованном обществе, разделенном на две равные группы, в шесть раз выше риска войны в гомогенном обществе [Montalvo, Reynal-Querol, 2005]. Дж. Эстебан и Д. Рэй показывают зеркальное влияние фракционализации и поляризации на вооруженные конфликты: конфликты в поляризованных обществах – редкие и сильные, в глубоко разделенных обществах – частые и слабые [Esteban, Ray, 2008].

Противоречивые результаты свидетельствуют о сложности операционализации и измерения этнических характеристик, а также часто являются результатом выбора разных казусов. Исследования, не подтвердившие связи между этническим составом и гражданскими войнами, рассматривали все казусы гражданских войн, не выделяя этнические войны в отдельную категорию. Имеет значение и выбор переменных: географические характеристики (пересеченная местность, удаленность от центра и пр.) предоставляют возможности для ведения войн и будут значимыми для всех типов гражданских войн, в том числе этнических.

Структурные причины гражданских и этнических войн

В 1960-е годы Т. Гурр выдвинул тезис о депривации и фрустрации: чем сильнее депривация, тем больше вероятность политического насилия. По его мнению, «у насилия всегда есть аперитив – эмоциональная база, а масштабы насилия зависят от степени ярости мобилизован-

ных» [Gurr, 2015, p. 14]. Вслед за ним исследователи стали изучать факторы, ведущие к депривации, в основном социально-экономические (безработица, бедность и неравенство).

При исследовании гражданских войн в качестве зависимых переменных рассматриваются следующие: риск начала гражданской войны, ее продолжительность и риск возобновления конфликтов после завершения (независимо от целей акторов). Результатом таких количественных исследований обычно становится набор объективных независимых условий для зависимой переменной, круг которых довольно ограничен: уровень экономического развития, наличие ресурсов, состояние соседних государств, состоятельность государства, политический режим, демографические и географические характеристики и др. Большинство исследователей подчеркивают, что в случае отсутствия экономического развития ни политические институты (даже демократические), ни большие расходы на армию, ни этническая и религиозная гомогенность не обезопасят страну от начала конфликта. По мнению Кольера, риск начала вооруженного конфликта возрастает при низком уровне доходов и экономическом неравенстве, а в случае ресурсной экономики усиливается риск длительного конфликта [Collier, Hoeffler, 2004]. Согласно Х. Хегре и Н. Самбанису, риск усиливается при большой численности населения и низком уровне благосостояния (ВВП на душу населения). Авторы обнаруживают устойчивую связь между риском войны и другими переменными, в том числе небольшим численным составом армии, пересеченной местностью, недемократическими и воинствующими соседями [Hegre, Sambanis, 2006].

Наличие ресурсов в бедных странах (алмазы, нефть, древесина, кофе, и т.п.) позволяет финансировать вооруженные группы, увеличивая продолжительность конфликтов. В исследовании Дж. Фиарона самыми продолжительными (медиана – 28 лет, среднее арифметическое – 48 лет) являются конфликты, в основе которых лежит контрабандное финансирование, получаемое от продажи ресурсов, в первую очередь нефти, алмазов и наркотиков [Fearon, 2004]. Продолжительность конфликта будет увеличиваться при концентрации ресурсов в удалении от центра, что облегчает их добычу и захват повстанцами. Соответственно, только общий отказ покупать ресурсы у повстанцев может прекратить конфликты, продолжающиеся на основе их продажи¹¹.

Авторы, изучающие конфликты и ресурсы, обращаются к проблеме «нефтяного проклятья». Нефтезависимость, по их мнению, приводит к войнам, причем эти войны ставят целью отделение некоторых регионов и отличаются большей интенсивностью и продолжительностью по сравнению с конфликтами в странах, не имеющих нефти [Fearon, 2004]. В реальности сложно выделить главную причину конфликта в государстве (например, конфликт в Судане (Север – Юг) представлял собой сочетание расовых и религиозных расколов при наличии ресурсов (нефть). С точки зрения Т. Карл, нефть – важный стратегический ресурс, который может быть мотивом, средством и обоснованием продолжающихся вооруженных конфликтов, поэтому все войны в странах – экспортерах нефти являются нефтяными войнами, вне зависимости от их начала и заявленных требований [Karl, 2008].

В классической работе П. Кольера «Алчность и лишения» были операционализированы возможности (алчность) и мотивы (лишения) повстанцев, которые приводят к началу гражданских войн. Лишения имеют экономический, политический и социальный характер и связаны с исключением определенных групп населения, в том числе этнических, с неравенством и несправедливым распределением, что увеличивает недовольство, поэтому лишения приводят к гражданским конфликтам с целью восстановления справедливости. Факторами, дающими возможности для ведения войн, становятся ресурсы, рассредоточение населения, низкий уровень доходов и низкий уровень образования мужчин (они могут также вести к лишениям, но

¹¹ Политика запрещения торговли конфликтными ресурсами действует только в отношении алмазов (см.: Kimberley process [Процесс Кимберли]. – Mode of access: <http://www.kimberleyprocess.com/>).

в модели Кольера мобилизовать необразованных и безработных будет легко и менее затратно, что увеличивает риск войны). Таким образом, бедность одновременно служит индикатором, мотивом и возможностью для вооруженного конфликта: при ВВП \$250 на душу населения риск войны возрастает на 15%, а при ВВП более \$5000 риск войны уменьшается до 1% [Collier, 2004].

Многие авторы демонстрируют устойчивую и значимую связь между географическими и климатическими факторами и началом и продолжительностью гражданских войн. Они объясняют начало войн или их продолжительность через соревнование за ресурсы вследствие климатических изменений [Toward a democratic... 2001]¹², наличием большой территории, гористой и пересеченной местности, обеспечивающей укрытие для повстанцев [Fearon, Laitin, 2003; Hegre, 2006], войны в соседнем государстве, которая пересекает государственные границы [Fearon, 2004; Cederman, Buhaug, Rød, 2009; Hegre, Sambanis, 2006].

Итак, среди глобальных и региональных сравнительных исследований гражданских войн преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные предпосылки, факторы и условия, способствующие началу гражданских войн и продлевающие их. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических, благодаря их простой операционализации. Однако одни и те же факторы в разных сравнительных исследованиях приводят к разным событиям (гражданские войны, перевороты, реформы и революция), характерным для нестабильных политических режимов, поэтому следует рассмотреть причинно-следственные связи между политическими режимами и гражданскими войнами.

Войны и политические режимы

К политическим переменным, влияющим на риск и продолжительность гражданских войн, относятся распад государства и создание новых независимых государств, смена политического режима, слабость и нелегитимность действующего режима [Fearon, 2004; Hegre, Sambanis, 2006; Cederman, Buhaug, Rød, 2009]. Политические режимы создают определенные институциональные условия для начала гражданских войн, так как гарантируют политические и экономические права, представляют возможности для артикулирования и представительства интересов и вводят ограничения, которые ведут к фрустрации и лишениям определенных, чаще всего этнических, групп населения.

Теоретически демократические режимы должны предотвращать внутренние вооруженные конфликты, однако общепризнанный тезис о демократическом мире не подтверждается количественными исследованиями, так как у большинства авторов уровень демократии является незначимой переменной [Collier, Hoeffler, 2004; Fearon, Laitin, 2003]. У Седермана демократия становится значимой переменной, однако указывает на обратное направление связи, т.е. способствует началу гражданской войны [Cederman, Girardin, 2007, p. 178–179].

Используя данные проекта Полити¹³, исследователи находят подтверждение нелинейной (параболической) зависимости между уровнем демократии и риском гражданских войн [Toward a democratic... 2001; Fearon, Laitin, 2003] и говорят о стабильности консолидированных режимов любого типа. Хегре считает, что сильные авторитарные режимы могут подавить сопротивление лучше, чем смешанные режимы, поэтому автократии в среднем сохраняются 7,9 лет, полудемократии – 5,8 лет, демократии – 10 лет [Toward a democratic... 2001,

¹² Экономисты университета Беркли пришли к выводу, что повышение температуры воздуха на 1 градус Цельсия увеличивает риск гражданской войны на 4,5%, причем для 11% наблюдений (страна/год) риск составит 49% [Warming increases... 2009, p. 1].

¹³ Polity IV project: Political regime characteristics and transitions, 1800–2013. – Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>

р. 36]. У С. Гейтса стабильные автократии в среднем выживают 10 лет, а неустойчивые автократии – не более 4–5 лет [Institutional inconsistency... 2006, р. 904]. Таким образом, анократии (режимы с рейтингом Полити от –5 до +5), демократии с прилагательными, полудемократии или гибридные режимы, сочетающие демократические институты с недемократическими и непоследовательными практиками, наиболее уязвимы перед гражданскими войнами [Toward a democratic... 2001; Ellingsen, 2000; Gleditsch, 2012; Sambanis, 2000; Gandhi, Vreeland, 2004; Fearon, Laitin, 2003].

Это объясняется тем, что демократические режимы соблюдают гражданские права населения и не подвергают отдельные группы дискриминации, диктатуры же не соблюдают права, но используют репрессии. С точки зрения рационального выбора, граждане будут участвовать в вооруженных конфликтах только при отсутствии других возможностей влияния на власть. При стабильном авторитарном режиме иррационально восставать вследствие высоких затрат и небольших шансов на успех, при демократиях результаты мирных переговоров превысят любой выигрыш от конфликта, в то время как в полудемократиях внутренний конфликт будет оптимальным выбором [Ellingsen, 2000, р. 237]. Согласно Т. Эллингсен, демократии обладают институтами для разрешения конфликтов, а автократии подавляют любую оппозицию, анократии не могут использовать репрессии для подавления конфликта и не могут примирить стороны конфликта демократическим способом, поэтому они больше подвержены риску гражданских войн. По сравнению с демократиями риск внутренних конфликтов в 1,5 раза выше в автократиях и в 3 раза выше в полудемократиях [Ellingsen, 2000, р. 243]. К схожим результатам приходит Гейтс: анократии в среднем существуют в 3,8 раз меньше демократий и в 1,7 раз меньше автократий [Institutional inconsistency... 2006, р. 900].

Полудемократии представляют собой сочетание полукротости и частичного подавления. Такое сочетание стимулирует протесты, восстания и другие формы гражданского насилия, в том числе вооруженные конфликты. С одной стороны, репрессии приводят к лишениям и ставят целью ограничение представительства отдельных групп. С другой стороны, полукротость способствует организации протестных действий. Такое институциональное противоречие, согласно Хегре, объясняет связь между гибридными режимами и вооруженными конфликтами [Toward a democratic... 2001, р. 33]. Независимо от институциональных характеристик, режимы с рангом от –5 до +5 неэффективны, слабые и / или нестабильные. По мнению Фиарона, слабым режимам не хватает ресурсов для подавления потенциальных повстанческих движений, поэтому они создают возможности как для сепаратистов, стремящихся к отделению, так и для повстанцев, пытающихся захватить центральную власть [Fearon, Laitin, 2003, р. 81].

Многие авторы считают, что гибридные режимы – переходные режимы, которые возникли после распада демократического или авторитарного режима и не успели консолидироваться. Распады политических режимов независимо от дальнейшего направления политического развития увеличивают вероятность гражданских войн. В исследовании Хегре риск начала гражданской войны на следующий день после смены режима увеличивается в 3,55 раза, через год – в 1,89 раз, и только через 6 лет можно говорить об отсутствии связи [Toward a democratic... 2001, р. 36]. Направление режимных изменений не имеет значения в краткосрочной перспективе. Согласно Хегре, демократизация и авторитаризация одинаково способствуют началу гражданских войн, причем пока полудемократии не перейдут к демократии, уровень насилия не уменьшится [ibid., р. 43–44]. Седерман также подтвердил сильную и позитивную связь между гражданскими (нетерриториальными) войнами и демократизацией и даже с автократизацией, хотя эти процессы следуют разной логике. При демократизации необходимо время на мобилизацию граждан для ведения войны, при автократизации крах демократии приводит к росту политического насилия, особенно в случае переворотов [Cederman, Hug, Krebs, 2010, р. 387].

Находя нелинейную параболическую связь между политическими режимами и гражданскими войнами, большинство исследователей не анализируют сущностные характеристики гибридных режимов. Ранг от –5 до +5 по шкале Полити может означать множество разнообразных институциональных сочетаний переменных индекса (рекрутирование, соревновательность, участие), каждая из которых может способствовать или препятствовать началу вооруженных конфликтов. Наиболее устойчива полития с открытыми и соревновательными выборами, максимальными ограничениями исполнительной власти и максимальным уровнем участия (31 год), а наименее устойчива (0,8 лет) полития, в которой выборы и ограничение исполнительной власти сочетаются с низким уровнем участия [Institutional inconsistency... 2006, p. 903].

Согласно Голдстоуну, тип политического режима является главным фактором, объясняющим гражданские войны, операционализировать его нужно не через уровень демократии, а через конфигурацию политического участия и рекрутирования. Голдстоун выделяет два типа анократий: частичные демократии (режимы, в которых элиты избираются в ходе соревновательных выборов и политическое участие не контролируется, но по одному из этих измерений они отстают от полной демократии) и частичные автократии (режимы, которые либо проводят соревновательные выборы, либо разрешают политическое участие) – и демонстрирует, что последние подвержены большему риску гражданских войн [A global forecasting model... 2005].

Стабильные авторитарные режимы также сильно отличаются друг от друга в плане предоставления возможностей артикулирования интересов и использования репрессий, поэтому некоторые исследователи смотрят на риск гражданских войн через призму типа авторитаризма. Диктаторы в однопартийных режимах используют выборы для легитимизации своей власти, поэтому они зависят от поддержки населения и ограничены в применении насилия больше, чем другие диктаторы. При наличии сильной оппозиции диктатор может согласиться на демократизацию, чтобы избежать войны. В военных режимах при отсутствии политической партии, выборов и институтов для эффективного кооптирования оппозиции гражданская война становится продолжением политики другими средствами. Х. Фьелде использует усеченную классификацию А. Хадениуса и анализирует риск гражданской войны в военных, однопартийных, многопартийных режимах и монархиях. Исследование демонстрирует, что военные режимы в два раза больше подвержены риску конфликтов, чем гражданские. Вероятность вооруженного конфликта в однопартийных режимах и монархиях составляет 0,7%, в многопартийной электоральной автократии – 1,5%, в военных режимах – 1,6% [Fjelde, 2010, p. 209]. Таким образом, риск конфликта связан с типом нового политического режима, и направление режимных изменений имеет значение. Дж. Ганди и Дж.Р. Врилэнд в исследовании институциональных факторов, обеспечивающих стабильность авторитарных режимов, показали, что гражданские войны наиболее вероятны в чистых диктатурах без институтов и наименее вероятны в демократиях и анократиях, или институционализированных диктатурах, т.е. диктатурах с выборами и парламентами. В их исследовании диктатуры с номинально демократичными парламентами менее склонны к гражданским войнам, наличие парламента в диктатурах уменьшает риск войны в два раза [Gandhi, Vreeland, 2004].

Таким образом, на риск развязывания гражданской войны влияют тип политического режима, недемократические институты, способ смены режима и направление политического развития. При либеральной демократии снижается риск гражданской войны, однако на пути демократии постконфликтное общество должно пройти минимум через две фазы транзита: демократизацию и консолидацию. Исследователи выявляют большую предрасположенность к откату в войну среди постконфликтных демократий, так как при жестком авторитаризме риск возобновления конфликта составляет 24,6%, при демократии – 62% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, p. 10]. Как показывает Б. Уолтер, уровень демократии демонстрирует значимую связь с началом первой гражданской войны и не связан с риском возобновляющихся войн

[Walter, 2004, p. 384], поэтому войны, ранее развязанные и завершенные при авторитаризме, могут возобновиться в условиях новой демократии. В данном контексте необходимо понять, какие постконфликтные институты могут привести к новым конфликтам.

Перспективы постконфликтной демократии для разделенных обществ

Только 20% вооруженных конфликтов заканчиваются соглашением: из 372 завершившихся конфликтов с 1946 по 2005 г. 120 конфликтов закончились победой, 57 – мирным соглашением, 47 – прекращением огня¹⁴ [Zartman, 2009, p. 323]. Переговорное завершение войны является менее стабильным результатом: откат к гражданской войне происходит в два-три раза чаще, чем при убедительной победе. Конфликты возобновляются в 12% случаев, завершившихся победой, и в 29% случаев, завершившихся переговорами, причем все войны, возобновившиеся после перемирия, были этническими, а этнические войны, разрешающиеся переговорным процессом, возобновляются в половине случаев [Downes, 2006, p. 50–51].

Этнические войны приводят к поляризации общества, поэтому этнические группы легко снова мобилизовать при появлении недоверия к новым институтам или акторам из антагонистической группы и неуверенности в соблюдении достигнутых договоренностей (дилемма безопасности). Возобновление этнических войн можно предотвратить через компромиссные договоренности об институциональных изменениях политической системы (разделение власти и ответственности и достижение региональной автономии) либо об отделении. Отделение удовлетворяет националистические стремления к государственности и не требует ни разоружения сторон, ни взаимного сотрудничества бывших противников [Downes, 2006, p. 50], следовательно, не создает причин для появления дилеммы безопасности. Еще Д. Растоу считал, что единственным предварительным условием для развития демократии является наличие национального единства, осознание гражданами общей идентичности или по меньшей мере отсутствия у них «сомнений или мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат» [Растоу, 1996, с. 7].

По мнению Растоу, проблемы государственного единства и формирования общей идентичности должны решаться до начала процесса демократизации. Острые этнические расколы и противоречия препятствуют достижению демократии, так как могут вести к различным формам национализма, подъему националистических движений, продолжающимся вооруженным конфликтам и этническим войнам. Поэтому Растоу заключал: если «линия раскола точно совпадает с региональными границами, результатом, скорее всего, будет не демократия, а сецессия» [Растоу, с. 9]. Горовиц также рекомендовал отделение антагонистических групп, сконцентрированных территориально. «В случае если группы не могут жить вместе в гетерогенном государстве, им будет лучше жить отдельно в нескольких гомогенных государствах», – считал он [цит. по: Sambanis, 2000, p. 437].

Идея территориального разделения враждующих групп целью урегулирования этнического конфликта продолжает находить поддержку среди политиков и политологов. Как пишет Кауфман, этнические гражданские войны не завершатся, пока противоборствующие группы не потеряют стимулы для борьбы, т.е. не окажутся в «гомогенных этнических анклавах» [Kaufmann, 1998]. Он проверил серию гипотез о связи между возобновлением конфликта и разделением и пришел к выводу, что никакие попытки разрешения конфликта не будут эффективными без разделения по этническому принципу, причем «разделение (англ. *partition*) без отделения (англ. *separation*) только усиливает конфликты» [ibid., p. 123]. Кауфман считает, что репатриация беженцев после окончания этнической войны на территории, занятые во время военных действий другой этнической группой, снова вызовет дилемму безопасно-

¹⁴ Остальные 148 завершились в результате миротворческих операций, сецессии или сочетания нескольких вариантов.

сти и тем самым воссоздаст условия для возобновления войны [ibid., p. 156]. Если Ч. Кауфман пришел к выводу, что отделение уменьшает насилие, предотвращает новые конфликты и приводит к миру [ibid.], то в исследовании Н. Самбаниса отделение не «только не предотвращает возобновление войны, но и не является лучшим решением» [Sambanis, 2000]. В моделях Самбаниса демонстрируется значимая и позитивная корреляция между идентичностными войнами (этническими и религиозными) и отделением, причем вероятность отделения уменьшается при большей этнической гетерогенности и увеличивается с ростом размера этнических групп [ibid., p. 457].

Доунс придерживается более компромиссного подхода, считая, что отделение предпочтительно только в случае острого этнического конфликта и невозможности достижения соглашения о едином государстве [Downes, 2006, p. 50]. Однако в исследовании Б. Уолтер территориальные уступки поощряют имитационные действия, когда новые силы начинают требовать отделения от государства, согласившегося на концессию [Walter, 2004, p. 379]. Как показывает посткоммунистическая история, новые территориальные требования и необходимость решения дилеммы безопасности могут появиться и в границах постконфликтных новых независимых государств [см.: Харитонова, 2013].

Кроме отделения существуют и другие способы достижения гражданского мира. А. Степан писал, что при культурном многообразии можно построить нацию-государство и государство-нацию. Нация-государство возникает вследствие создания общей культурной идентичности, политики ассимиляции или использования репрессий. Государство-нация формируется благодаря политико-институциональному подходу, базирующемуся на идее сохранения множества идентичностей и их комплементарности. Все группы получают возможности выражения своих интересов, и общая «мы-идентичность» закрепляется институциональными механизмами, гарантирующими защиту различий, такими как асимметричный федерализм и консоциативные процедуры. В теории А. Степана и Х. Линца «подход нации-государства предполагает создание общей культуры внутри государства, подход государства-нации требует большего – уважения к общим институтам и социокультурным отличиям», причем «государство-нация является не предустановленной реальностью... а результатом политики и дизайна» [Stepan, Linz, Yadav, 2011, p. 4–5]. Как отмечают И. Кудряшова и Е. Мелешкина, политика государственностроительства приобретает «выраженную страновую специфику, обусловленную историческим прошлым, геополитическим положением и рядом других факторов. Способы такой политики могут быть разными: закрепление одного государственного языка, фальсификация истории, переписывание учебников, введение новых национальных символов, праздников и героев, запрет иноязычного вещания, прямые репрессии и др. Один из действенных механизмов консолидации является создание “анклавов” этнических меньшинств, в большей или меньшей мере исключаемых из политического сообщества страны» [Кудряшова, Мелешкина, 2009, с. 47].

В исследованиях П. Кольера демократия не является эффективным инструментом ни для предотвращения возобновления войн, ни для сохранения постконфликтного мира [Collier, 2007]. Однако большинство политологов согласны с тем, что демократизация в конечном итоге приведет к демократическому гражданскому миру, так как демократические механизмы смогут разрешить конфликты и перевести их в институциональное русло, тем самым предотвратив эскалацию насилия, репрессии и дискриминацию каких-либо групп. А. Пшеворский писал, что «политические институты регулируют конфликты мирным способом при условии, что организованные политические силы продвигают свои интересы в институциональных рамках и признают любые результаты институционального взаимодействия» [Пшеворский, 2013, с. 400]. По мнению Горовица, «демократические правила работают только в случае неострых этнических расколов, когда нет ни четких политических аффилиаций, ни устойчивого разделения на

меньшинство и большинство» [Horowitz, 1993, p. 28], т.е. когда новые политические партии не формируются по этническому принципу.

Проблема строительства демократии в этнически сегментируемых обществах с глубокими противоречиями была в основе выдвинутой А. Лейпхартом концепции общественной (консоциативной) демократии. По логике данной модели, антагонистические группы в целях достижения демократического мира должны ориентироваться на сотрудничество и компромисс. Данная концепция, как и предлагаемые в ее рамках институты (пропорциональное представительство, право вето, автономия сегментов и большая коалиция), опирается на идею согласования и приспособления различных интересов, обеспечивающую перенос конфликта в институциональные демократические рамки при сохранении государственности. В этом случае именно фрагментация будет способствовать становлению демократии (при условии наличия небольшого числа равновеликих сегментов) [подробнее см.: Лейпхарт, 1997] и готовности элит соблюдать достигнутые договоренности. В противном случае возникает риск возобновления конфликта.

«Мир удастся сохранить при таком институциональном дизайне, при котором шанс победы на институциональном поле сравним с шансом преобладания в результате силового способа» – считает Пшеворский [Пшеворский, 2013, с. 401]. Однако, согласно Горовицу, сложно выделить институты, способствующие многоэтнической демократии, так как демократия может привести как к правлению большинства при исключении меньшинства, так и к правлению меньшинства при исключении большинства [Horowitz, 1993, p. 20], так как «в теории многие институты совместимы с демократией, но не все они способствуют многоэтнической включенности» [ibid., p. 28].

Для обеспечения гражданского мира институты должны предотвращать появление дилеммы безопасности, обеспечив взаимное доверие и возможность артикулирования интересов обеих сторон. Оптимальными институциональными формулами считаются автономия и федерализм, разделение ответственности (англ. *power sharing*), включающее резервирование постов и полномочий за членами определенных групп, пропорциональное представительство и право вето меньшинства. Наибольшим позитивным действием для демократического мира обладает автономия. Так, в исследовании Кольера при отсутствии автономии риск возобновления конфликта составляет 46,2%¹⁵, при наличии автономии – снижается до 12,2% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, p. 11]. С точки зрения Горовица, этническая включенность в большую коалицию не решает проблемы, а «ex cathedra советует сторонам этнического конфликта отложить свой конфликт... так как появление включающего многоэтнического правительства приведет к началу новой борьбы за включение и исключение... поэтому такие правила не будут устойчивыми» [Horowitz, 1993, p. 32].

Выбирая между системами правления, многие авторы не рекомендуют вводить президентскую или полупрезидентскую формы, особенно с большими полномочиями всенародно избранных президентов. Наименее подходящей считается президентская форма с единоличным президентом, так как президент и сосредоточенная у него исполнительная власть будет представлять либо большинство, либо меньшинство. Специфические черты президентских систем (фиксированные сроки полномочий президента и парламента, разделение исполнительной и законодательной властей, выражающееся в отсутствии у парламента права выражать недоверие правительству, а у президента – права роспуска парламента) делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимоблокирования [см.: Харитонов, 2012]. В условиях гетерогенных обществ вероятность попыток разрешения таких конфликтов неконституционным путем возрастает.

¹⁵ Переменная «автономия» значима только на уровне 15%.

Стимулом для возобновления этнического конфликта могут стать выборы. По мнению Доунса, постконфликтные выборы играют роль этнической переписи населения, так как конфликт между группами усиливает внутригрупповую солидарность, что не способствует компромиссам и доверию противоположной группе [Downes, 2006, p. 53]. В таких условиях политические институты, построенные на принципах доверия, консенсуса и аккомодации, зайдут в тупик [ibid., p. 53] и могут распасться. Поэтому важно выбирать электоральные законы, способствующие включенности всех групп населения в процесс выборов и процесс принятия решений, и при наличии избирательного порога сделать его низким [Reynolds, Reilly, 2008, p. 126]. Большинство политологов с этой целью рекомендуют использование системы пропорционального представительства [Carey, Nix, 2011; Reynolds, Reilly, 2008]. Рейнал-Квирол показала эмпирически, что пропорциональное представительство снижает риск гражданской войны [Reynal-Querol, 2002].

Исследование П. Кольера, А. Хоффлер и М. Сёдербома показало, что постконфликтные выборы переносят риск войны от года до выборов на год после выборов, тем самым увеличивая риск конфликтов в будущем¹⁶ [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006]. Авторы считают, что выборы создают только видимость мира и не являются инструментом для системного разрешения конфликтов. Поэтому некоторые политологи рекомендуют начинать с местных выборов и постепенно переходить на вышестоящий уровень [Reynolds, Reilly, 2008, p. 126].

В отличие от стратегии разделения ответственности (англ. *power sharing*), Ф. Рёдер предлагает стратегию разделения власти (англ. *power dividing*) или множественного большинства (англ. *multiple-majorities*), отличительной чертой которой является акцент на гражданское общество (а не государство) и на институты, «ограничивающие привилегированное представительство отдельных культурных общин и поощряющие политическое представительство как можно большего числа культурных и социально-экономических интересов» [Roeder, 2011]. При такой стратегии процесс принятия решений распределяется горизонтально и вертикально, но решения принимаются большинством в каждом органе, имеющем определенную узкую сферу полномочий. В отличие от стратегии разделения ответственности, стратегия разделения власти не дает рекомендаций по отдельным институтам, но стремится увеличить способы представительства. Однако для проведения такой стратегии также будут необходимы государственное единство (в понимании Д. Растоу) и политическая воля акторов политического процесса.

* * *

В настоящий момент сложился консенсус вокруг определения гражданских и этнических войн, однако не достигнуто согласие относительно причин и условий. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими, политическими и иными контекстуальными переменными и риском начала гражданских войн. Такие связи понимаются как структурные предпосылки гражданских войн, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями, действиями и мотивами акторов. Многомерные статистические модели установили значимые эмпирические закономерности и выявили множество факторов, коррелирующих с началом гражданских войн и их возобновлением. Главными проблемами остаются операционализация и измерение ключевых переменных и сложности объяснения причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. По мнению некоторых авторов, гетерогенность акторов гражданских и этнических войн, наличие нелинейных механизмов, ответных реакций, неслучайных взаимодействий и тропозависимой динамики не соот-

¹⁶ Проведение выборов уменьшает риск конфликта в год выборов с 6,2% до 3,4%, однако на следующий год после выборов риск возрастает с 5,2% до 10,6% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, p. 10–11].

ветствуют результатам, полученным в ходе количественных исследований с большим числом казусов [Bhavnani, Miodownik, 2009, p. 3]. Гражданские и этнические войны могут начинаться при разных сочетаниях структурных факторов, однако стремление разрешить конфликты в институциональных рамках является следствием политической воли акторов конфликта. Таким образом, акторы могут предотвратить вооруженные конфликты, способствовать постконфликтному политическому урегулированию и препятствовать возобновлению конфликтов. Однако, по мнению П. Кольера, «в странах, в которых плохое правление сосуществует с восстанием, повстанцы обычно не стремятся к хорошему правлению, являясь не менее жестокими и не более компетентными», чем действующие диктаторы [Collier, 2007].

Список литературы

- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.
- Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 286 с.
- Пиеворский А.* Политический институт и политический порядок // Демократия в российском зеркале. – М.: МГИМО, 2013. – С. 398–428.
- Растой Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Харитонова О.Г.* Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 199–213.
- Харитонова О.Г.* СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 190–205.
- Bhavnani R., Miodownik D.* Ethnic polarization, ethnic salience, and civil war // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2009. – Vol. 53, N 1. – P. 30–49.
- Blimes R.J.* The indirect effect of ethnic heterogeneity on the likelihood of civil war onset // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 536–547.
- Warming increases the risk of civil war in Africa / Burke M., Miguel E., Satyanath S., Dykema J.A., Lobell D.B. // PNAS. – Baltimore, 2009. – Vol. 106, N 49. – Mode of access: www.pnas.org/cgidoi10.1073/pnas.0907998106 (Дата посещения: 15.09.2013.)
- Cary J.M., Hix S.* The electoral sweet spot: Low-magnitude proportional electoral system // American journal of political science. – Detroit, MI, 2011. – Vol. 55, N 2. – P. 383–397.
- Cederman L.-E., Buhaug H., Rød J.K.* A GIS-based analysis // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2009. – Vol. 53, N 4. – P. 496–525.
- Cederman L.-E., Girardin L.* Beyond fractionalization: Mapping ethnicity onto nationalist insurgencies // American political science review. – Cambridge, 2007. – Vol. 101, N 1. – P. 173–185.
- Cederman L.-E., Hug S., Krebs L.* Democratization and civil war: Empirical evidence // Journal of peace research. – Ann Arbor, Mich., 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 377–394.
- Collier P.* Ethnic civil wars. Securing the post-conflict peace // Harvard international review. – Cambridge, Mass., 2007. – Vol. 28, N 4. – P. 56–60.
- Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. – Oxford, 2004. – Vol. 56. – P. 563–595.
- Collier P., Hoeffler A., Söderbom M.* Post-conflict risks / Centre for the study of African economies, university of Oxford. – Oxford, 2006. – Mode of access: <http://www.csae.ox.ac.uk/workingpapers/pdfs/2006-12text.pdf> (Дата посещения: 1.11.2015.)
- Downes A.B.* More borders, less conflict? Partition as a solution to ethnic civil wars // SAIS Review. – Washington D.C., 2006. – Vol. 26, N 1. – P. 49–61.

Elbadawi I., Sambanis N. How much war will we see? Explaining the prevalence of civil war // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2002. – Vol. 46. – P. 307–334.

Ellingsen T. Colorful community or ethnic witches' brew?: Multiethnicity and domestic conflict during and after the Cold War // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2000. – Vol. 44, N 2. – P. 228–249.

Esteban J., Ray D. Polarization, fractionalization and conflict // Journal of peace research. – Oslo, 2008. – Vol. 45, N 2. – P. 163–182.

Fearon J. Ethnic war as a commitment problem: Paper presented at the 1994 Annual Meetings of the APSA, N.Y., August 30 – September 2. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.

Fearon J. Why do some civil wars last so much longer than others? // Journal of peace research. – Oslo, 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 275–301.

Fearon J., Laitin D. Ethnicity, insurgency, and civil war // American political science review. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 97, N 1. – P. 75–90.

Fearon J., Kasara K., Laitin D. Ethnic minority rule and civil war onset // American political science review. – Washington, D.C., 2007. – Vol. 101, N 1. – P. 187–193.

Fish S., Jensenius F.R., K. Michel E. Islam and large-scale political violence: Is there a connection? // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 43, N 11. – P. 1327–1362.

Fjelde H. Generals, dictators, and kings: Authoritarian regimes and civil conflict, 1973–2004 // Conflict management and peace science. – Philadelphia, PA, 2010. – Vol. 27, N 3. – P. 195–218.

Fox J. Two Civilizations and ethnic conflict: Islam and the west // Journal of peace research. – Oslo, 2001. – Vol. 38, N 4. – P. 459–472.

Gandhi J., Vreeland J. Political institutions and civil war: Unpacking anocracy. – 2004. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.

Institutional inconsistency and political instability: Persistence and change in political systems revisited, 1800–1998 / Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. // American journal of political science. – Detroit, MI, 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 893–908.

Gleditsch N.P. Whither the weather? Climate change and conflict // Journal of peace research. – Oslo, 2012. – Vol. 49, N 1. – P. 3–9.

A global forecasting model of political instability / Goldstone J.A., Bates R.H., Gurr T.R., Lustik M., Marshall M.G., Ulfelder J.: Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the APSA, Washington, DC, September 1–4, 2005. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.

Gurr T.D. Political rebellion. Causes, outcomes and alternatives. – L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 291 p.

Toward a democratic civil peace? Democracy, political change, and civil war, 1816–1992 / Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N.P. // American political science review. – Washington, D.C., 2001. – Vol. 95, N 1. – P. 33–48.

Hegre H., Sambanis N. Sensitivity analysis of empirical results on civil war onset // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 508–535.

Horowitz D. Democracy in divided societies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1993. – Vol. 4, N 4. – P. 18–38.

Karl T.L. Democracy over a barrel: Oil, regime change and war / Center for the study of democracy, Univ. of California. – Irvine, 2008. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.

Kaufmann C.D. When all else fails: Ethnic population transfers and partitions in the twentieth century // International security. – Cambridge, MA, 1998. – Vol. 23, N 2. – P. 120–156.

Krebs L.F., Vorrath J. Democratisation and conflict in ethnically divided societies. // Living reviews in democracy. – Zurich, Switzerland: Center for Comparative and International Studies: NCCR Democracy, 2009. – Mode of access: <http://www.cis.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/>

CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Vorrath%20Krebs.pdf (Дата посещения: 21.12.2015.)

Montalvo J., Reynal-Querol M. Ethnic polarization, potential conflict, and civil wars // American economic review. – Nashville, Tenn., 2005. – Vol. 95, N 3. – P. 796–816.

Posen B.R. The security dilemma and ethnic conflict // Survival. – Oxford, 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47.

Reynal-Quero M. Ethnicity, political systems, and civil wars // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2002. – Vol. 46, N 1. – P. 29–54.

Reynolds A., Reilly B. Electoral system design: The new international IDEA Handbook. – Stockholm: International institute for democracy and electoral assistance, 2008. – 223 p.

Roeder P.G. Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2003. – Vol. 36, N 5. – P. 509–540.

Sambanis N. Partition as a solution to ethnic war: An empirical critique of the theoretical literature // World politics. – Baltimore, 2000. – Vol. 52, N 4. – P. 437–483.

Stepan A., Linz J., Yadav Y. Crafting state-nations. India and other multinational democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 2011. – 336 p.

Walter B. Does conflict beget conflict? Explaining recurring civil war // Journal of peace research. – Oslo, 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 371–388.

Zartman W.I. Conflict resolution and negotiation // The SAGE handbook of conflict resolution / Bercovitch J. et al. ed. – L.: Sage, 2009. – P. 322–339.

Контекст: политический контроль в разделенных обществах

Саудовская Аравия: национальное единство без плюрализации

*Г.Г. Косач*¹⁷

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития фрагментированного саудовского общества в контексте его исторической эволюции, начиная с момента создания государства. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия политической элиты и отдельных фрагментов социума, прежде всего не принадлежащих к господствующей ханбалитско-ваххабитской версии ислама. В связи с этим автор обращается к анализу действий государства, направленных на создание элементов представительной власти, а также взаимодействия общества и вновь появляющихся институтов, подчеркивая, что возможность становления в Саудовской Аравии национально ориентированного общества – все еще далекая перспектива.

Ключевые слова: Саудовская Аравия; Ибн Сауд; ислам; суннитский ислам; ваххабитская версия ханбалитской правовой школы; шииты; исмаилиты; модернизация; Консультативный совет; муниципальные выборы; Центр национального диалога.

G.G. Kosach

Saudi Arabia: National unity without pluralization

Abstract. The article analyzes the problems of fragmented Saudi society in the context of its historic evolution from the beginning of the state formation. The main attention is paid to the issues of interaction between political elite and different sectors of society, first of all, the adepts of different Islamic schools outside the dominating Wahhabi version of Hanbali school. In this regard the author analyzes state policy directed to build elements of representative power, as well as other political institutions. He considers the possibility of national oriented society as a perspective of the future.

Keywords: Saudi Arabia; Ibn Saud; islam, sunni islam; Wahhabi version of Hanbali religious school; shiites; ismailis; modernization; consultative council; municipal elections; Center of national dialogue.

Начало XX в. изменило политический ландшафт Аравийского полуострова. В январе 1902 г. принц Абдель Азиз Аль Сауд (Ибн Сауд) захватил Эр-Рияд. Спустя 30 лет, в 1932 г., возникло Королевство Саудовская Аравия – итог экспансионистской политики короля-основателя, – включившее Неджд со столицей Эр-Риядом, Эль-Хасу на западном побережье Персидского залива (ныне – Восточная провинция), протянувшийся вдоль побережья Красного моря Хиджаз с *Двумя Благородными Святынями* – Меккой и Мединой – и лежащие на юге и юго-западе Неджран и Асир.

¹⁷ **Косач Григорий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: g.kosach@mail.ru **Kosach Grigori**, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: g.kosach@mail.ru

Разделенность саудовского общества

Определяя пространство этого государства, саудовский историк в 2011 г. говорил о его «фрагментированности», отмечая «регионализм, многообразие наречий и несхожесть политической истории составляющих это пространство провинций» [Аль-Хасан, 2011]. Это положение справедливо и для начавшейся после Второй мировой войны «нефтяной эпохи»: модернизация страны носила консервативно-охранительный характер, вводившиеся государством современные институты вписывались в традиционный социум.

Развивая свою мысль, тот же автор сообщал, что разбросанные в пределах этого политического пространства племена и созданные ими союзы формируют «субэтноты» с «собственными наречиями и героическими сказаниями» [Аль-Хасан, 2011]. Официальное издание подчеркивает: «Правители и граждане Королевства – арабы, принадлежащие к ста древним племенам, образующим саудовский народ» [Ламахат ан савабит... 1995, с. 114]. Государство, опираясь на «правительственные постановления, превращало племенные институты в орудие поддержания стабильности» [Аль Сауд, 2000, с. 108–109].

Саудовская статистика игнорирует конфессиональные особенности социума, ограничиваясь указанием на то, что «граждане Королевства – мусульмане». Вероисповедное единство предполагает повсеместную приверженность ваххабитской версии ханбализма. Но в этом социуме присутствуют также приверженцы суфийских *тарикатов* и последователи иных *мазхабов* суннизма, – немногочисленность сторонников *ханифитской* доктрины искупается широким распространением *шафиитской* и *маликитской* правовых школ. Осуществленная предшественником нынешнего монарха зимой 2009 г. реформа Совета высших улемов, в который были введены представители неханбалитских мазхабов, признала присутствие последователей более распространенных в суннитском исламе толкований Божественного закона.

Шииты – часть саудовского «конфессионального пейзажа». Оценки их веса в демографической структуре Восточной провинции условны: в 2010 г. саудовский шиитский клирик Хасан Ас-Саффар определял численность шиитов в пределах от 1,5 до 1,8 млн. Но и шиитское присутствие дифференцировано. В граничащей с Йеменом провинции Неджран, по оценке Х. Ас-Саффара, проживает около 500 тыс. *исмаилитов*, соседство Йемена предопределило присутствие *зейдитов* в Асире [Хивар барнамадж Аль-Минасса, 2014].

Саудовские шииты – компактно сконцентрированное меньшинство, живущее в суннитском окружении и представленное в основном *двунадесятниками*. К 1913 г., времени включения шиитских районов в формирующуюся территориальную политику, абсолютное большинство их населения было занято земледелием. Особенностью положения шиитов выступал не только «статус презируемых земледельцев», но и «незнание родовых генеалогий», что исключало «вхождение в систему племенной иерархии» [Ар-Рашид, 2014, с. 61–62]. Распространяя свое покровительство на новых подданных, власть поначалу была далека от введения ханбалитской доктрины в зоне их расселения.

После того как в 1926 г. возникли централизованные ханбалитские институты, на шиитов была распространена ваххабитская система судопроизводства и норм жизни, диссонирующая на фоне суннитского господства традиция подверглась преследованию. Шиитское богословие (саудовские последователи шиизма ориентировались на Иран) объявлялось «еретическим», разрушение *хусейний* оправдывалось «изживанием многобожия», проведение *ашуры*, траура по убитому в месяц *мухаррам* Хусейну, запрещалось. Более поздние слова ханбалитского богослова о том, что «шиитская ересь опаснее коммунизма и сионизма», доказывали, что шииты воспринимались как «политико-конфессиональные маргиналы» [Ayad, 2013]. Тому были причины, связанные с политикой, экономикой и безопасностью: в Восточной провинции сосре-

точно 98% углеводородного сырья [Eastern province, 2013, p. 8]. В шиитском меньшинстве с его связями с единоверцами соседних стран правящая элита видела «пятую колонну».

Разделенность саудовского общества определялась и исторической памятью регионов. Вплоть до начала Первой мировой войны османское правительство рассматривало Эль-Хасу как часть империи. В течение 1916–1925 гг. Хиджаз был суверенным королевством (ранее – османской провинцией) под *хашимитским* управлением. Это относилось и к *идрисидскому* Асиру, политически самостоятельному до 1923 г. Итогом саудовско-йеменской войны 1934 г. стало поглощение северного Неджрана. До 1921 г. Неджд контролировался эмиратом Джебел-Шаммар.

Строительство государства и попытки культурно-политической гомогенизации

Единство государства с выраженными социальными, экономическими и этнокультурными разломами опирается на силу – эта традиция коренится в истории Аравийского полуострова. Однако сила не была единственным инструментом поддержания статус-кво.

«Религиозное и социокультурное единство» достигалось при опоре «на факторы ваххабизма и Неджда» [Аль-Хасан, 2011]. Предложенная Мухаммедом бен Абдель Ваххабом (и закрепленная его потомками, объединенными в семью Аль Аш-Шейх) ригористичная (отвергавшая *новшества* – введенные в «чистый» ислам *благородных предков* «наслоения») трактовка ханбалитского мазхаба, «объединяя государство», предлагала инструмент обеспечения общественного единообразия. В октябре 1926 г. король-основатель ликвидировал существовавшие в Главной мечети Мекки кафедры законоучителей трех юридических школ суннизма (сохранив ханбалитскую), и «правовые нормы более не разделяли подданных короля» [Таухид аль-джамаа... 2013].

Культурная гегемония Неджда – итог политического господства Аль Сауд. Недждийский бедуинский танец *арда* был трансформирован в национальный: ежегодный фольклорный фестиваль в Эль-Джанадарийе (неподалеку от Эр-Рияда) открывается его исполнением при участии коллективов из всех саудовских регионов. Традиционный недждийский мужской костюм (белая полотняная либо серая шерстяная рубаша и головной убор – поддерживаемый шнуром платок), ставший обязательным для ношения во всех государственных учреждениях, вытеснил его региональные варианты. Это относилось и к женскому черному платью – *абайе*, – дополняемому *хиджабом*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.